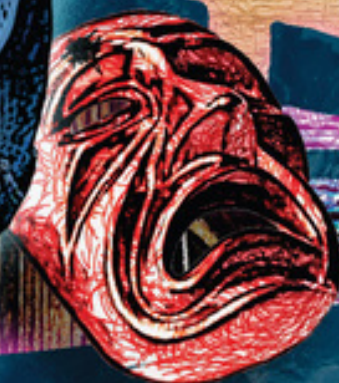

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА

Победный ветер,
ясный день

Виктория Платова

Победный ветер, ясный день

«ЭКСМО»

2003

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Победный ветер, ясный день / В. Е. Платова — «Эксмо», 2003

ISBN 978-5-04-089609-7

Увидев ее первый раз, юный скаут Пашка онемел от восторга... Красавица-яхта с экзотическим названием «Такарабунэ» стояла в заброшенном эллинге. Мертвый человек сидел у подножия мачты и смотрел на Пашку широко открытыми глазами. Немой крик застрял в Пашкином горле... Это был Нео из его любимого фильма. Единственное, что отличало киношного Нео от настоящего, – дырка во лбу. Пока Пашка ждал милицию, он кое-что позаимствовал у покойника. Он понимал, что эта вещь – улика, но был не в силах расстаться с нею... Пашка смог все рассказать только Лене Шалимовой, человеку, который перевернул его детский неустроенный мир. Поделится самым сокровенным, не зная, что Лена была знакома с убитым. А тот оказался не кем иным, как знаменитостью мирового масштаба, солистом балетной труппы «Лиллаби» Романом Валевским...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089609-7

© Платова В. Е., 2003
© Эксмо, 2003

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктория Платова

Победный ветер, ясный день

© Виктория Платова, текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство
с реально существующими людьми – случайно.*

Автор

Часть первая

Сирокко

...Ну конечно же, он назывался совсем по-другому, этот ветер.

Он назывался совсем по-другому, и в нем не было никакого намека на брюхатое пряно-стями североафриканское побережье. И никаких запоздалых зимних воспоминаний о несвоевременно-летнем Монтенегро (в славянском забытии все еще именуемом Черногорией).

Но на север Африки, вкуче с приснопамятным Монтенегро, Паше и Виташе было ровным счетом наплевать. Все эти географические несуразности не шли ни в какое сравнение с Мартышкином, в котором Паша и Виташа прожили всю свою сознательную жизнь. Невыносимо долгую, о-о, еще как невыносимо! Одиннадцать лет – это вам не шуточки. Одиннадцать лет – солидный возраст для мужчины. Особенно для мужчины, ушибленного давно умершим английским генералом Робертом Баден-Пауэллом, для краткости именуемым Би-Пи. К колониальным берегам Би-Пи Паша и Виташа прибились случайно, а всему виной оказалась книжонка, найденная на Пашином чердаке, с полуистлевшими ятями и замызганной временем обложкой: **«О разведке для мальчиков»**.

Именно из нее Паша и Виташа почерпнули сведения о бойскаутах. И загорелись желанием пополнить редкие, как зубы героев-полярников, скаутские ряды. В жертву этому (довольно эксцентричному для посконного Мартышкина) желанию были принесены курение, ругань матом и факультатив по анатомии при женском отделении бани. А также мытье иномарок на соседней заправке – с твердой таксой тридцать рэ за машину. Но что значили жалкие тридцать рэ по сравнению с рубашками цвета хаки? А уж купить на них «четыре скаутских свойства» и вовсе не представлялось возможным. Храбрость, хитрость, сообразительность и бодрость – Би-Пи, восстань он из могилы, был бы доволен Пашей и Виташей. Или – почти доволен; с храбростью и бодростью у кандидатов в скауты все было нормалек, а вот хитрость и сообразительность слегка подволакивали ногу. Это выяснилось во время первого же рейда по тылам новорусского коттеджного мини-городка, отделенного от Мартышкина нижней дорогой – на Большую Ижору, Лебяжье и режимный Сосновый Бор. Из процветающей «частной собственности» Паша и Виташа вылетели с треском, вернее, были выведены за ухо угрюмым охранником. К манипуляциям с собственными ушами Пашка отнесся философски, чего нельзя было сказать о приунывшем Виташе: Виташу (в довесок ко всем неприятностям) цапнул за задницу ротвейлер охранника – такой же угрюмый, как и его хозяин.

Задница давала о себе знать еще добрых три часа – и все эти три часа Виташа потратил на гнусные сомнения в истинности скаутских идей. И не преминул напомнить приятелю о позавчерашнем провале расовой теории Би-Пи, заключавшейся в двух незамысловатых тезисах: «нет христиан второго сорта» и «все люди – братья». Вооружившись этими тезисами, Паша и Виташа сунулись было к Ашоту, сыну не так давно осевшего в Мартышкине ювелира-армянина из Нагорного Карабаха. Но были неправильно поняты. Настолько неправильно, что едва унесли ноги от старших братьев Ашота – Севана и Тиграна. Кто мог знать, что у Севана и Тиграна имеются свои собственные тезисы: «валите отсюда по-скорому» и «за черного – ответишь»... В позавчерашней армянской резне Пашка потерял зуб, а Виташа приобрел синяк под глазом. А теперь еще и саднящая от собачьего укуса задница... Положительно, извилистая дорожка, проторенная не одним поколением голоногих бойскаутов, вела в тупик. Самый настоящий тупик, украшенный навозной кучей, и больше ничего поблизости – даже самой заваливающей дохлой вороны, а уж о такой удаче, как полуразложившийся еж, и говорить не приходится... Именно это и брякнул Виташа к исходу третьего часа.

И был тотчас же заклеямен как предатель.

Трус и слабак.

Это был явный перебор, но мудрый Пашка знал, что делает: взбрыкнувшая лошадка снова вернулась в стойло Би-Пи. С возмущением отвергнув обвинение в трусости. И – сквозь редкие слезы – согласившись попытать скаутского счастья еще раз.

И счастье привалило. Да еще какое!

Почившие в бозе вороны и ежи с ним и рядом не стояли.

А начинающие и тем не менее храбрые, хитрые, сообразительные и бодрые скауты Паша и Виташа – совершенно неожиданно для себя – обнаружили **труп**.

Уже потом, когда история с трупом стала достоянием общественности, Пашка пытался вспомнить, кому именно пришла в голову умопомрачительная идея выбрать для полевых изысканий лодочный кооператив «Селена». То ли он сам нашел, что одичавший кооператив безопаснее, чем злостное ИЖС с собаками и собачьими начальниками, то ли Виташу потянуло к большой воде – но факт оставался фактом: фортуна, осененная отеческой улыбкой Би-Пи, выкатила им труп на блюде.

Нельзя сказать, что путь к этому блюду был особенно тернист: кооператив «Селена» охранялся из рук вон. Да и можно ли было считать охраной вусмерть пьяного работягу в сторожке, сломанный шлагбаум при въезде и шелудивого пса при такой же шелудивой строительной технике? Паша и Виташа, сделав псу ручкой, безнаказанно проникли на территорию кооператива и с любопытством принялись изучать окрестности. «Селену» никоим образом нельзя было отнести к шедеврам архитектурной мысли, но юному разведчику здесь было где разгуляться: бетономешалки, сгинувшие в высокой траве, остовы грузовиков и скелеты легковушек, унылые краснокирпичные бараки, дышащие в затылок друг другу... Паша и Виташа насчитали десять таких бараков, и все десять – без всякого намека на человеческое присутствие. Бараки пятались на мир пустыми глазницами окон, поигрывали скулами первых этажей, морщили узенькие лбы третьих – и...

И ничего интересного в них не было.

Оставался последний – одиннадцатый – барак.

Впрочем, под определение «барак» он не подпадал, хотя на первый взгляд ничем не отличался от десяти своих собратьев. Все дело было в начинке. А начинка – даже на взгляд дремучих Паши и Виташи – вплотную приближалась к стандартам проклятого ИЖС: затейливые фонари над входными дверями, затейливые жалюзи на окнах, затейливые спуски к самой воде – дом упирался фасадом в Залив.

И был обжитым. Во всяком случае – бо́льшая его часть.

Скауты-любители поняли это сразу. И воспряли духом.

Некоторое время они наблюдали за окнами, затем переключились на воротца – слишком высокие для гаражных. Вошедший в роль Пашка даже вытащил огрызок бинокля, больше похожий на недоделанную подозрную трубу.

Огрызок оказался кстати: во всяком случае, он резко сократил расстояние до дома.

– А теперь представь, что там засели враги нашей Родины! – От торжественности момента Пашка даже пустил петуха.

С усердием ковырявшийся в носу Виташа саркастически хмыкнул, из чего его оголтелый приятель немедленно сделал вывод, что до скаута Виташе расти и расти.

– И мы должны... – тем не менее продолжил он. И запнулся.

– Должны что?

– Ничего, – огрызнулся Пашка. – Бескрылый ты человек!

Преширяться Виташа не стал, а спустя несколько минут смиренно попросил у Паши драгоценный окуляр.

– А гараж-то не закрыт, – заметил он после двух минут наблюдения.

– Какой гараж?

– Крайний. Ты разве не усек?

Пашка сплюнул от досады: лазейка во вражеское логово была найдена – и найдена не им, а простаком Виташей. Но признать поражение кандидат в разведчики не захотел.

– Еще как усек! Я просто тебя проверял.

– Интересно, какая там машина? – Виташа даже дыхание затаил: полуразложившемуся ежу понятно, что трехмесячное мытье машин оставило в его душе неизгладимый след.

– Да какая разница!..

– Спорим, что джипера? «Гранд Чероки»?

Еще бы не «Гранд Чероки»! Именно на это немудреное имя откликалась голубая Виташина мечта.

– Фигушки, – поддел любителя внедорожников Пашка. – Никакой не «Гранд Чероки», «фольк» занюханный, вот там что!

«Фольксвагены» Пашка терпеть не мог. На пресловутой заправке его кидали трижды, и трижды неплательщиками оказывались владельцы «Фольксвагенов». Последний, подмигнув лоху Пашке габаритными огнями, умчался как раз в сторону кооператива «Селена».

– Айда проверим, – предложил Виташа.

И Пашка согласился. Глупо было не согласиться, когда щель в гаражных воротах так и предлагала пролезть в нее. Она манила таинственной, глухой чернотой, она набивалась в друзья, она обещала самое настоящее приключение. К приключению вела дорожка, выложенная черными, неправильной формы, плитами. Плит было ровно четырнадцать, не больше и не меньше, и на тринадцатой Пашка дал себе слово – если в гараже окажется ненавистный «фольк», все его четыре ненавистные шины будут проткнуты.

...Но «фолька» в гараже не оказалось. Не оказалось и джипа. Но зато...

Зато в нем оказалась яхта!

Самая настоящая яхта на самом настоящем стапеле! А стапель, снабженный тремя парами крошечных колес, стоял на рельсах; очевидно, рельсы вели прямо к воде. Хорошо заметные здесь в молочной полутьме, они терялись снаружи – в густом разнотравье. Именно поэтому ни Паша, ни Виташа их не заметили – иначе мелкая склока из-за марки машины никогда бы не возникла.

Яхта откровенно скучала, да что там скучала – она сохла от тоски! Все ее грациозное, легкое тело было устремлено вперед, острый нос задрался вверх – в бессильной ярости. И только снасти чуть слышно и умиротворенно вибрировали: они умели ждать, они верили, что рано или поздно вернутся в родную стихию.

– Супер! – выдохнул впечатлительный Виташа, разом позабыв о джипе «Гранд Чероки».

– Я понял. Это не гараж, это эллинг. Здесь везде – не гаражи, а эллинги.

– Эллинг? Что еще за эллинг?

– Место, где хранятся яхты. По типу самолетного ангара, – авторитетно пояснил Пашка. И Виташа посмотрел на него с плохо скрытым уважением: с таким же уважением сам Пашка посмотрел бы на Би-Пи, восстань он из могилы. – Может, того... Пошушаем?

– В смысле?..

– Залезем вовнутрь?

Виташа поежился и недоверчиво шмыгнул носом, но Пашка отнес эти робкие, недостойные скаута телодвижения к разнице температур: несмотря на изнемогающий от жары июльский день, в эллинге было достаточно прохладно.

– Ну, что?

– А если хозяин объявится?... – моментально дала о себе знать Виташина укушенная задница.

– Хвост поджал, да? Ладно, ты как хочешь, а я пошел.

И Пашка решительно двинулся к яхте. Удивляясь этой своей, неожиданно возникшей решительности. И такому же неожиданно возникшему жгучему интересу. Несмотря на близость Мартышкина к воде, его уроженец, Павел Кирста-Косырев, был абсолютно сухопутным человеком. Стада катеров, лодок, шлюпок и прочих плавсредств, мирно пасущиеся в Заливе, оставляли его равнодушным. Так же, как и залетные паруса залетных регат. Но эта яхта...

Эта яхта притягивала его, как магнитом.

В ней было что-то – что-то, что заставило Пашкино сердце учащенно забиться. Осторожно ступая (с пятки на носок, с пятки на носок, как учил великий Би-Пи), он приблизился к стапелю и перевел дыхание. Яхта не обманула его ожиданий, нет, вблизи она оказалась еще грациознее, но... Это была грациозность мертвого зверя. А прохлада, столь желанная в июльскую жару, обернулась могильным холодом!

Чрево эллинга скрывало «летучего голландца», вот оно что!

Искусно вырезанный дракон на носу облупился, краска на бортах пошла пузырями от сырости, и – в довершение ко всему – с яхты свешивался кусок рваной прокопченной ткани. Назвать его парусом не поворачивался язык.

Воображение, расцветшее в спертом воздухе эллинга махровым цветом, тотчас же дорисовало склизкую палубу, развороченные внутренности приборов, гнилые трапики – и Пашке моментально расхотелось исследовать яхту. Все было бы проще, не дыши ему в затылок чертов Виташа. Выказать слабость перед сопливым, изнеженным, вечно ноющим трусишкой? Все что угодно, только не это!

– Что это еще за ботва? – громко спросил подошедший Виташа. И звуки его глупого, тутого, как барабан, голоса расставили все на свои места: не бойсь, Павел Константинович, это лишь старое, заброшенное суденышко, только и всего!

– Ты о чем? – сразу же приободрился Пашка.

– Да о названии! Понапридумывают же!

Вот ведь черт! Увлечись собственными страхами, Пашка как-то совсем выпустил из виду, что «летучий голландец» имеет имя. Да какое!

«Такарабунэ».

Все десять букв сверкали начищенной медью, они, казалось, существовали отдельно от яхты. Все десять новехоньких ухоженных букв. Как будто кто-то (уж не отсутствующий ли хозяин?) сначала придумал имя, а уж потом приспособил к нему все остальное, включая киль, снасти и даже облупленного дракона.

Имя – вот что было важно!

Странное, невиданное в окрестностях Мартышкина имя.

Оно сразу же понравилось Пашке – раскатистой серединой и неопределенным ласковым окончанием. Оно могло означать что угодно, и в этом «что угодно» была вся прелесть замысла. Во всяком случае – для никем не признанного скаута-стажера Павла Кирста-Косырева.

Такарабунэ – птица? Такарабунэ – ветер? Такарабунэ – теплое течение? Или наоборот – холодное?..

Такарабунэ – племя пигмеев? Такарабунэ – тот самый дракон, угнездившийся в носу? Догадки – самые сладостные, самые мальчишеские, самые неверные – окружили Пашку. Он мог бы простоять целый день, пытаясь понять, что же это такое – **такарабунэ**. Но Виташа вовсе не собирался задерживаться здесь надолго. Бескрылый человек – он и есть бескрылый!

– Так мы лезем или нет? – поторопил Пашку он. – Или так и будем здесь торчать?

– Лезем! – Пашка решительно тряхнул всклокоченной шевелюрой и уцепился за свисавший с борта конец веревки: сначала глазами, а затем и руками.

Но «летучий голландец» с чудным именем решил проявить характер: веревка оказалась гнилой и легко отделилась от яхты. Не удержав равновесия, Пашка свалился наземь вместе с обрывком расплетенной пеньки. А торчащий из кармана бинокль больно ударил его по боку.

Жалкое, унижительное для скаута падение не осталось незамеченным – злодей Виташа противно захихикал. Хихиканье доносилось откуда-то сверху: пока Пашка выяснял отношения с пенькой и биноклем, Виташа успел забраться на яхту. Интересно, каким образом?

– Что ты копаешься?.. Здесь же лестница веревочная, ты ее не усек, что ли?

– Еще как усек! Я просто тебя прове... – Дальше можно не продолжать, ярость все равно запоздала: Виташа успел исчезнуть на палубе, злодей!

...На корме и вправду оказалась веревочная лестница. И выглядела она вполне надежно. И к тому же уже была испытана Виташей. Но подниматься Пашка не спешил. Пусть первооткрыватели поторопятся, а он уж как-нибудь в сторонке постоит. Не больно-то нужно, будь ты хоть «Такарабунэ», хоть кто! И все же, все же...

Пашка даже скрипнул зубами от жалости к себе: он сам виноват в том, что по мертвой птице, по мертвому ветру скользят теперь не его, а Виташины пятки.

Равнодушные пятки, которые даже не задумываются о том, что значит – Такарабунэ!

– Ну, что там? – воззвал Пашка покровительственным голосом.

Ответа не последовало. И вообще, на яхте было подозрительно тихо. Ни шороха, ни звука шагов, ни обычного Виташиного посапывания.

– Ты где?!

И снова – никакого ответа.

По спине мальчика поползли мурашки. Не такой уж ты храбрый, Павел Константинович, каким хочешь казаться. И почему ты решил, что «такарабунэ» – это птица? Или – ветер? Или – ничем себя не запятнанное племя пигмеев? Быть может, «такарабунэ» – это ловушка! Для дурачков, которые беспечно позабыли о «летучих голландцах»! Для дурачков по имени Паша и Виташа!

– Эй! – снова крикнул Пашка. И не услышал своего голоса.

Почему же он все еще здесь, в проклятом эллинге, у проклятой яхты? Потому что скаут никогда не бросает друга в беде, вот почему!

Не такой уж Виташа друг, если разобраться, так, летний приятель от летней скуки, к тому же – нытик, каких мало. И бедоносец, как утверждает Пашкина бабка. Но скаут никогда! Не бросает! В беде! Даже бедоносца и нытика!

Упиваясь так неожиданно прорезавшимся благородством, Пашка подтянул к себе лестницу. И почти тотчас же с сипом и воем ему на голову рухнул Виташа. Только чудом Пашка удержался на ногах, а Виташа...

– Там! – трясаясь как осиновый лист, прошелестел он. – Там...

«Там» было что-то ужасное – хотя бы потому, что Виташу вырвало. Опорожнив желудок, он упал на четвереньки и пополз к спасительной щели, отделявшей склеп с яхтой от яркого июльского дня. По уму, Пашке следовало бы присоединиться к очумевшему приятелю и, уже находясь в безопасности, расспросить его обо всем. Но разве можно довольствоваться информацией из вторых рук? И потом ведь – яхта не сожрала Виташу, хотя могла бы. Она выплюнула его, живого и здорового, только слегка повредившегося в мозгах от страха. Значит, и с ним, Пашкой, ничего не случится. Не должно случиться. Не должно. А уж со своим страхом он как-нибудь справится.

Придя к такому выводу и ощутив легкое покалывание в позвоночнике, Пашка полез наверх, прямо в пасть меднолобому – или меднолобой? – «Такарабунэ».

...Наверху было гораздо светлее – из-за небольших прямоугольных окошек, прорезанных в воротах эллинга. Во всяком случае, палуба была как на ладони, вся, до последнего уголка: приземистая рубка, такие же приземистые кнехты, маленькая, пятнистая от ржавчины лебедка для поднятия якоря... И парус, свисавший с мачты. Тот самый кусок рваной прокопченной ткани. Снизу он не казался таким огромным! И таким... таким живым!

Парус чуть заметно трепетал от приснившегося ему ветра – или это Виташа потревожил его сон? Одно из двух.

А может быть, третье?

И не это ли третье снесло крышу несчастному бедоносцу?

Спокойно, Павел Константинович, спокойно. Уж за свою головушку ты можешь не опасаться. Вдох – выдох, вдох – выдох, как учил великий Би-Пи, дряхлая парусиновая тряпка для тебя не соперник.

Парус – а это действительно был парус, никакая не тряпка, – похоже, прочитал Пашкины дерзкие мысли. И замер, затаил дыхание.

И Пашка затаил дыхание. И сделал маленький шаг вперед.

Но парус на провокацию не поддался: прикинулся неживым, совсем как занавес в театре. В театре Пашка, по причине одиннадцати лет и проживания в захолустном Мартышкине, бывал не так уж часто, раз пять, не больше. Четыре раза они с классом ездили в Питер, а пятый... В пятый раз театр сам пожаловал к ним в школу и оккупировал спортивный зал. Вообще-то, это был не театр, а сборище трех придурков самого замшелого возраста – примерно Пашкиной бабки, никак не младше... Трех голодных замшелых придурков. Пашка сам видел, как они наворачивали котлеты и компот в школьной столовой. Перед самым спектаклем.

Спектакль назывался «Маленькая Баба-яга».

И скептически настроенный Пашка некоторое время гадал, кто же из троих будет этой самой маленькой Бабой-ягой: старая гримза или плохо выбритый чудик, похожий на цыгана. Третьего – самого древнего и к тому же бородатого – Пашка отверг сразу же: цыганистая Баба-яга – это еще куда ни шло, но с бородой...

Маленькой Бабой-ягой, как и следовало ожидать, оказалась старая гримза. Даже из последнего ряда, где устроился Пашка, были видны ее скорбные морщины. А старый хрыч с бородой играл Ворона, все время поучавшего Бабу-ягу, как жить. По ходу пьесы у него вылетела вставная челюсть, и это было самым убойным местом во всем спектакле.

Но не менее убойным оказалось то, что Пашка этого не заметил. Как не заметил всего остального. А к середине плюгавого представления перекачывал с последнего ряда на первый. И все из-за актрисы, появившейся в самый последний момент.

Прямо на сцене.

Акторов было не трое – четверо! Четвертую, самую главную, Пашка не заметил. Она возникла из воздуха, из жалких декораций, которые теперь вовсе не казались жалкими. Она была такой красивой, что Пашка едва не расплакался. Ну, конечно, он не расплакался, это было бы слишком, но маленькое сердце в его маленькой груди слиплось и растаяло, как первый, еще не окрепший снег. Под лучами осеннего, застенчивого, усталого, темно-рыжего солнца. Именно такой была Актриса – темно-рыжей, усталой и коротко стриженной. «Только бы она не кончалась, эта дурацкая пьеса, только бы не кончалась!» – заклинал Пашка.

Но «Маленькая Баба-яга» завершила свою жизнь в положенный срок – ровно через час пять минут. И актеры погрузились в старенькую, выдавшую виды «шестерку».

Все четверо.

И темно-рыжее солнце – тоже.

И тогда Пашка решился. На ватных ногах он подошел к Актрисе, готовой захлопнуть дверцу, и таким же ватым голосом прошептал:

– Можно взять у вас автограф?

– Что? – не поняла она. – Что ты сказал, мальчик?

– Автограф, – повторил Пашка, угорая от сладкого, едва уловимого запаха, который волнами исходил от Актрисы. Ничего вкуснее этого запаха ему не попадалось – за всю его длинную одиннадцатилетнюю жизнь. – Автограф. Вот здесь.

Он протянул Актрисе тетрадь (как впоследствии оказалось – по русскому, с только что скатанным домашним заданием; по проклятому русскому он никогда больше тройки не получал, но какое теперь это имело значение?). Грымза, сидевшая рядом с Актрисой, презрительно хмыкнула, цыганистый чудик упал грудью на руль, хрыч Ворон щелкнул вставной челюстью, а Актриса...

Актриса приветливо кивнула Пашке и взяла протянутую тетрадь. И принялась (о, ужас!) листать ее.

– «Юный» пишется с одним «н», – сказала Актриса.

– Я исправлю, – помолчав, выдал из себя Пашка.

Актриса подмигнула Пашке темно-рыжим, как и волосы, грустным глазом. А потом занесла ручку, услужливо поданную чудиком, и на секунду задумалась.

– Как тебя зовут?

– Пашк... Павел.

– Очень хорошо, – почему-то развеселилась она. И расписалась на последней странице тетради. – Вот. Держи свой автограф.

– Спасибо. – Пашка почти силой выдернул тетрадь из рук Актрисы и прижал ее к животу.

– Не за что. Было приятно познакомиться. До свидания, Павел.

...Он открыл заветную тетрадку с заветным автографом только дома, забившись в дальний угол комнаты.

«Юному Павлу от актеров театра «Глобус». Хорошо учись и радуй близких. С уважением...»

Подпись была неразборчива. Так, лихая, торопливая закорючка. Она не проливали свет на имя Актрисы. Но и этой торопливой закорючки Пашке хватило за глаза. Да и разве может быть имя у солнца, к тому же такого темно-рыжего?..

Хорошо учиться он не стал, хотя и поднажал на ненавистный русский. И умудрился закончить год с четверкой в табеле. Это была единственная четверка среди уже привычных унылых троек, но самая настоящая, – классная даже руками всплеснула от подобного прогресса. А уж слово «юный» Пашка никогда больше не напишет с двумя «н», жаль только, что Актриса никогда об этом не узнает...

Она не узнает, что снилась Пашке почти каждую ночь. И что тетрадь все это время лежала под подушкой. И даже бдительная Пашкина бабка не смогла ее обнаружить.

А потом наступили каникулы, и светлый образ Актрисы померк. Не то чтобы Пашка совсем позабыл о ней, нет. Просто появился великий Би-Пи. Вместе с книгой «О разведке для мальчиков». И на первой странице «разведки» была помещена его фотография – фотография закаленного в боях усатого вояки в пробковом колониальном шлеме. Фотография была черно-белой, но если бы она была цветной!.. Би-Пи непременно оказался бы темно-рыжим, Пашка ни секунды в этом не сомневался.

Как и в том, что парус «Такарабунэ» пытается надуть его. Обернуться тряпкой, подолом платья, театральной кулисой, фальшиво подыграть, но не раскрыть тайны.

– Фигушки, – громко произнес Пашка и сделал еще один шаг.

Последний.

Теперь парус был совсем близко. Теперь он не дышал. И Пашка не дышал. Все так же не дыша, он протянул руку к плотной поседевшей ткани и резко дернул за нее.

И парус сдался.

Дверь в тайну распахнулась настежь.

А за ней... За ней оказался человек.

Мертвый человек.

Мертвый человек сидел у подножия мачты и смотрел на Пашку мертвыми, широко открытыми глазами.

Вот тут-то и произошло самое удивительное. Пашка не заорал, не упал на четвереньки и не проблевался, как Виташа; он не бросился бежать – он стоял и смотрел на человека такими же широко открытыми глазами.

Только живыми.

Впервые Пашка видел смерть так близко. Впервые он смог рассмотреть ее.

Впервые. Дохлые жабы, ужи и обожаемые Виташей вороны – не в счет. И погибший от чумки щенок фокстерьера по кличке Чонкин – тоже не в счет. Все это были детские игрушки по сравнению с этой – настоящей, взрослой смертью. А Пашке обязательно нужно знать, как она выглядит, взрослая смерть.

Обязательно.

Укрепившись в этом своем страшноватом желании, Пашка присел на корточки и принялся рассматривать мертвеца. Мертвец был взрослым парнем, черноволосым, тонкогубым и тонкобровым, отдаленно напоминавшим Нео, героя фильма «Матрица». Этот фильм они с Виташей смотрели раз десять – пока Виташе не обрыдли заморочки идейного негра Морфиуса. Послав «Матрицу» подальше, Виташа переключился на «Людей-Х», а Пашка был человек подневольный: своего видика к одиннадцати годам (в отличие от Виташи) он так и не заимел.

– Что, брат Нео, хреново тебе? – прошептал Пашка скорее для того, чтобы подбодрить себя.

Мертвец, как и положено мертвецу, ничего не ответил.

– Мне тоже... было бы хреново. – Собственный голос, такой рассудительный и участливый, успокаивал Пашку.

Но еще больше его успокаивал сам Нео. Прямо убаюкивал, честное слово! На лице Нео застыло надменно-печальное выражение, правую часть лба закрывала рассыпавшаяся прядь, а в уголках тонких губ пряталась едва заметная улыбка: «Такие дела, брат Пашка, ты уж прости меня».

– Да нет, ничего, – соврал Пашка скорее для того, чтобы подбодрить мертвеца. – Со всяким может случиться.

В жизни своей он не прибегал к столь наглому, столь откровенному вранью: **такое** могло случиться далеко не со всяким. А уж с Нео – тем более. Слишком лощеным казался он: черная футболка, которую ни одна смерть из колеи не выбьет; черная жилетка, черные джинсы, начищенные ботинки. Белый браслет на смуглой руке. И белое кольцо на безымянном пальце.

Чистюля Нео – подбритые виски.

Ни одной лишней складки на одежде, ни одной лишней складки на лице, вот у кого можно поучиться аккуратности!

Пашка ощутил смутное беспокойство: что-то в облике Нео не нравилось ему. Какой-то штрих, какая-то деталь – из-за этой проклятой детали смерть Нео выглядела несколько неряшливой.

Прядь, небрежно свисающая на лоб!

Вряд ли при жизни Нео примирился бы с такой небрежностью.

Пашка поспешил ладонь и поднес ее ко лбу мертвого чистюли. Волосы Нео с готовностью откликнулись, зашевелились под пальцами. И легли именно так, как им и надлежало лечь: назад.

– Вот так, – сказал Пашка.

Вот так все и должно быть. Именно так.

Лоб Нео облегченно вздохнул: ведь справедливость была восстановлена, как же иначе! А вот у Пашки вдоха облегчения не получилось, и все из-за Нео, любителя сюрпризов. Пора бы тебе знать, Павел Константинович, что ничего в жизни не бывает просто так.

А тем более в смерти.

Волосы, соскользнувшие со лба, скрывали дырку! Небольшую, но довольно красноречивую. Края дырки запеклись темно-красным, почти черным. А сама дырка выглядела такой же лощеной, как и Нео. И была **уместна**.

Она была гораздо уместнее, чем отбившаяся от рук небрежная прядь.

Пашка перевел дух: наконец-то облик Нео приобрел законченность. А самое главное – приобрела законченность его смерть. Смерть, пошептавшись с Нео и придя к обоюдному согласию, вошла в дырку на лбу, теперь Пашка знал это точно.

Она вошла в дырку на лбу, она вошла в царственное чело, обстрипала свои делишки и скрылась через черную лестницу затылка, по-другому и быть не могло!

А может, она осталась в голове Нео?

Пашке стало не по себе. Давненько он хотел потолковать со смертью, но сейчас ему стало не по себе. Да и о чем разговаривать? Если уж она хлыща Нео уболтала, то с Пашкой справится, как будьте-нате, и к гадалке ходить не надо, как бабка говорит. Можно, конечно, подождать, покараулить, но сколько ни паять в дырку на лбу, все равно ничего не увидишь. Даже огрызок бинокля не поможет.

Только сейчас Пашка заметил, что почти прилип к Нео.

И дело было не в отретушированной запекшейся кровью дырке, дело было в запахе.

Сладковатом и чуть-чуть душном.

Этот запах Пашка **знал**. Хотя прошло достаточно времени, чтобы успеть забыть его. Но Пашка не забыл, и другие запахи не вытравили этот, не перебили его. А они старались: и раздавленная дождем земля, и огуречная корюшка, и поздняя сирень, и нагретый металл машин, и острый привкус бензина на заправке, и мох на слежавшемся шифере...

Ничего из их стараний не вышло.

А незабываемый запах принадлежал Актрисе, вот кому! Это обстоятельство потрясло Пашку. Ведь не может же быть, чтобы Актриса и Нео... Чтобы Нео и Актриса... Или права бабка, что все со всем связано, как аукнется, так и откликнется. И если Пашка изгваздал брюки и подло стянул из сахарницы десять рублей, то в китайской провинции Хэйлуцзян обязательно произойдет землетрясение. Или, того хуже, бабке не прибавят пенсию.

Пашка замотал головой и даже стукнул себя кулаком по уху: самое время думать о бабкиной пенсии! От подобной встряски ухо обиженно зазвенело, а в животе образовалась пустота. Почти такая же, как в то мгновение, когда Пашка впервые увидел Актрису. В глубине сцены, с большим бутафорским лопухом, зажатым в правой руке.

В правой руке Нео не было никакого лопуха, и тем не менее... Тем не менее что-то в ней все-таки было!

И вряд ли Нео захочет с этим «что-то» расстаться. Но попытка – не пытка. Стараясь не дышать, Пашка потянулся к судорожно сжатым пальцам Нео.

– Извини, брат Нео, – прошептал он.

Все оказалось просто. Гораздо проще, чем думал Пашка. Нео без всякой грусти (и даже с видимым облегчением) освободился от предмета, который лежал в его ладони. Ничего удивительного в этом не было: вещичка оказалась бросовой, такую даже на фонарик без батареек не сменяешь.

Шмат легкой, почти невесомой ткани – то ли платок, то ли шарф, черт его разберет.

Досадуя на себя, а еще больше – на Нео, Пашка расправил ткань: нет, это все-таки шарф. У Пашки тоже был шарф – шерстяной, сине-белый, «зенитовский». А этот какой-то несерьезный, дамский, да еще в виде рыбы.

Точно, рыба и есть!

Довольно длинная рыбина, не меньше метра, и как она умещалась в руке Нео, уму непостижимо! Чешуйки нанесены прямо на ткань, в наличии имеются жабры, глаза и хвост, а по

брюху идет шов, соединяющий правую и левую половины. Вот только зачем две веревочки у морды – непонятно. Под шеей, что ли, их завязывать?..

Так и не придя ни к какому решению по поводу веревочек, Пашка машинально скатал шарф – и рыба снова уменьшилась до размеров ладони. Забавно. Что-то в ней есть, в этой рыбе. Но на фонарик без батареек она все равно не тянет. Другое дело – **она видела, как умер Нео**. А потому свернулась от страха и спряталась в ладонь.

Эта простая мысль гвоздем засела в Пашкиной голове. Они все видели, как умер Нео: и кольцо, и браслет, и начищенные ботинки! Что уж говорить о жилетке с футболкой и черных джинсах! У смерти всегда множество свидетелей, но они не очень-то любят об этом распространяться. Слова из них не вытянешь. Молчат, как... как рыбы!

Может, она совсем не зря появилась в руках Нео, эта рыба? Именно рыба, а не суслик какой-нибудь, не пестрый удод, не синица...

Об этом стоит подумать.

* * *

...Для счастья Гурию Ягодникову требовалось не так уж много.

Для счастья Гурию Ягодникову требовались яхты и Эдита Пьеха.

Но ни того, ни другого у него не было. И все из-за гнуснейшей ягодниковской планиды: Гурий боялся воды и был слишком молод для венценосной Эдиты: два месяца назад ему исполнилось двадцать девять. Конечно, дело было не в возрасте, тем более что понятия «возраст» для богини не существует (а в том, что Эдита – богиня, Гурий не сомневался). Дело было в самом Гурии. Будь Гурий Ягодников управляющим банка... Или гладковыбритым главой нефтяной компании... Или плохо выбритым, но до поросычьего визга популярным писателем – у него появился бы шанс. Пусть крохотный, пусть иллюзорный, но появился бы. Да и черт с ними, с писателем и главой компании, – будь он даже начальником РУБОПа, шанс все равно бы наличествовал. А ну как Эдита клюнула бы на его суровую мужественность, на двадцать два (нет, лучше на тридцать три!) раскрытых им преступления, на шрам от ножевого ранения (мужские шрамы не оставляют равнодушной ни одну женщину!)?.. Кто знает!..

Но Гурий не был начальником РУБОПа. Гурий не был даже начальником отделения милиции. Гурий был заштатным участковым милиционером в заштатном, отпочковавшемся от Ломоносова Мартышкине. А проживал он в еще более заштатной деревушке Пеники. И на работу в Мартышкино добирался на велосипеде. То еще было зрелище, мент на велосипеде, Эдита умерла бы со смеху! Одно утешение: ей и в голову не придет заглянуть в Пеники. Хотя не такое уж это плохое место, если разобраться.

Пеники располагались на огромном, по типу голливудского, холме, и с холма открывался шикарнейший вид на Залив. Шикарнейший, другого слова не подберешь. Отсюда был хорошо виден Кронштадт с плотно вырезанным силуэтом Морского собора и гордо поднятые головы фортов. К Кронштадту подступала недостроенная дамба, правую же часть видимого горизонта оккупировал сам Питер. А в благоприятные дни некоторые глазастые и патриотично настроенные пениковцы даже видели шпиль Адмиралтейства. Впрочем, последнее обстоятельство Гурий относил к особой романтичности земляков, которые могли увидеть не только шпиль Адмиралтейства, но и Ростральную колонну, и Петропавловскую крепость, и самого Петра – все зависело от количества выпитой водки. Сам Гурий водку не пил и в местечковом патриотизме замечен не был, что не мешало ему искренне недоумевать, почему при наличии такого замечательного места, как южное побережье залива, все прутся на север – в курортные Репино и Комарово. Туда же, курорт, чухна покоя не дает, не иначе! А русские цари не дураками были, вот они – Петергоф и Ораниенбаум, – под боком! И примкнувшие к ним Мартышкино и Пеники – тоже! Дачное Мартышкино обожали петербуржцы – те, старые, настоящие, впослед-

ствии изведенные революцией (а уж они знали толк в местах отдохновения сердца!). Гурий думал об этом каждый раз, когда проезжал Ломоносов, отделявший Пеники от Мартышкина, отделявший работу от дома. Это была замечательная дорога, ничего не скажешь! В велосипедных спицах путалось солнце, в ушах уютно ворочался речитатив сладкоголосой птицы Эдиты – аллилуйя японцам, придумавшим такую незаменимую вещь, как плеер! А может, это и не японцы его придумали, но все равно – здорово! Плеер и в особенности две кассеты «Антология советского шлягера» сделали жизнь Гурия вполне сносной. Во всяком случае, Эдита теперь всегда была с ним, нужно только вовремя менять батарейки. Двух «Энерджайзеров» хватало на целый рабочий день, а за вечер Гурий не беспокоился. Вечером его поджидали винилы и старенький проигрыватель «Аккорд».

«Аккорд» стоял в небольшой пристройке к дому. В этой пристройке Гурий обитал уже несколько лет, изгнанный из дома родителями, которые Эдиту (о, святотатство!) терпеть не могли, а напротив, обожали Аллу Пугачеву и затерявшийся во времени ансамбль «Песняры». Кроме того, папаша Гурия души не чаял в Александре Розенбауме, что было совсем уж несовместимо с легким, как весенний ветерок, акцентом Эдиты.

В обиталище Гурия родители заходили редко – чтобы лишний раз не расстраиваться. Но все-таки заходили.

– Кто бы мог подумать, что наш младшенький дураком окажется? – в сотый раз говорила мать, разглядывая плакаты Эдиты на стенах.

– А младшенькие – всегда дураки. Об этом даже в сказках написано, – в сотый раз говорил Гурий, разглядывая плакаты Эдиты на стенах.

– Наташка – замужем за приличным человеком, Сашка – сам приличный человек. А ты?

– А я – милиционер! – веселился Гурий.

– Милиционеры тоже разные бывают. Тебя в ГАИ устраивали? Устраивали. Что ж не пошел?

– А я взятки брать не умею. Мне взятки руки жгут. Еще сожгут дотла – зачем вам безрукий сын?

– Безрукий – лучше, чем безголовый, – вяло парировала мать. – Хоть бы женился, что ли! И когда ты только женишься?

С плакатов Гурию улыбалась Эдита. Эдита на теплоходе, Эдита на тепловозе, Эдита с микрофоном и без, Эдита юная и Эдита постарше, Эдита с белой лентой в голове, Эдита с теннисной ракеткой в руках, Эдита в демократичном мини, Эдита в респектабельном макси и с цветком орхидеи в декольте. Эдита в кримпленовой тунике, насквозь продуваемой благословенными ветрами шестидесятых. Куда Гурий безнадежно, безвозвратно опоздал.

– Никогда. Никогда я не женюсь.

– Дурак, – еще раз с видимым удовольствием констатировала мать. – И как тебя только на такой ответственной работе держат?

Ответственности в работе Гурия было немного, Мартышкино – не Гарлем и даже не Питер: максимум, что можно выдоить из разомлевшей полудачной местности, – мелкое хулиганство, навязшая на зубах бытовуха и редкие, как фламинго в средней полосе, пьяные дебоши. Венцом карьеры Гурия Ягодникова стало недолгое расследование убийства путевого обходчика, на поверку оказавшееся унылым самоубийством. Записка, оставленная путевым обходчиком, была написана в горячечном бреде, и к ней прилагались три пустые бутылки из-под водки.

– Сам удивляюсь, как меня только на такой ответственной работе держат. Ценят, наверное. Обещают капитана дать за выслугу лет!

– Ты же говорил – майора, – привычно поправляла мать.

– Майора? Значит, майора. Ставки растут.

– Хоть бы кто другой был, а не эта... – Мать умела переключаться в самый неподходящий момент. – Хоть бы кто другой, помоложе...

– Интересно, кто?

– Ну вот хотя бы... Пугачихи дочка, Кристина Орбакайте. Или... Ну, подскажи!

– Людмила Зыкина, – с готовностью подсказывал Гурий.

– Тьфу ты!.. Скажешь тоже, Зыкина! – пугалась мать. – Не Зыкина вовсе, а та, что про «чашку кофею» поет... Не помню, как зовут-то.

– Я тоже.

– Ну, неважно. «Чашку кофею» я бы еще смогла понять, она молодая, красивая...

На этом месте диалог Гурия и матери Гурия, как правило, прерывался. Махнув рукой, мать возвращалась к своим делам – курам и поросенку. А Гурий возвращался к своим делам – винилам Эдиты и яхтам.

Яхты были второй страстью Гурия, которая нисколько не мешала первой. Напротив, обе страсти пребывали в гармонии и каком-то радостном, просветленном единении. Единении необычном, поскольку и сами яхты были необычными.

Это были модели яхт.

Ничего другого Гурию не оставалось, поскольку он смертельно, до потери сознания боялся воды. И с этим ничего нельзя было сделать, это невозможно было подавить никаким волевым усилием, это нельзя было расстрелять из табельного оружия, удушить, четвертовать, колесовать. Водобоязнь стала тяжким крестом Гурия с тех самых пор, как он полюбил паруса. Его любовь к парусам была такой же безоглядной и платонической, как и любовь к Эдите: никакого намека на взаимность, никакого намека на намек. И если с платоническим чувством к Эдите Гурий смирился (ибо вождельть богиню – грех великий), то с яхтами все обстояло как раз наоборот. Яхты – настоящие яхты, временно оказавшиеся на берегу (а только к таким Гурий был в состоянии подойти), откровенно издевались над ним: ничего-то ты не можешь, бедолага Гурий, ничего-то ты не знаешь о нас. И никогда не узнаешь. Ведь для того, чтобы познать женщину, нужно отправиться с ней в постель. А для того, чтобы познать яхту, нужно отправиться с ней в море. А этого Гурию не светило даже в самом радужном сне. Хотя нет, в снах-то он как раз и отрывался по полной программе: сны Гурия были наполнены фалами, лагами, бизанями и трогательными, как кутята, ласкающими руку шкотиками. Сны Гурия были наполнены ветром и брызгами волн. Эти брызги, соленые и прекрасные, ласкали лицо Гурия, как голос неподражаемой Эдиты. В реальности же, подходя к насмешливым недотрогам-яхтам, Гурий чувствовал себя импотентом. Не самое приятное чувство, что уж тут говорить. И никакого выхода.

Впрочем, выход все-таки нашелся.

Вернее, его нашел сам Гурий, приобретший по случаю книгу «Постройка моделей судов». В этой книге было все: рисунки, чертежи, расчеты. Но самое главное – в ней была надежда. Гурий запасся деревом и парусиной, прикупил необходимые инструменты – и через месяц первая яхта (масштаб 1:10) была готова.

Гурий назвал ее «Эдита».

Вторую, третью и все последующие – тоже.

Теперь в его пристройке насчитывалось ровно тринадцать яхт. Тринадцать «Эдит». Разных по классу и оснастке, но с одной общей чертой: они не издевались над Гурием, они любили его – ведь больше любить все равно было некого. Их сухие кили и выточенные по всем правилам корабельной науки шверты¹ не знали иных прикосновений, кроме прикосновений рук Гурия. Их зарифленные, пропитанные водостойким составом паруса не знали иных прикосно-

¹ Шверт – выдвижной киль на малых парусных судах. Увеличивает сопротивление дрейфу и уменьшает углы крена.

вений, кроме прикосновений губ Гурия. К тому же Гурий позаботился о том, чтобы им был виден Залив. В широкое, всегда полуоткрытое окно.

А из рабочего кабинета Гурия Залив не просматривался.

Зато хорошо просматривалась улица, по которой шли сейчас двое – взрослый мужик и пацаненок. Личность мужика была хорошо известна Гурию – Василий Васильевич Печенкин не раз фигурировал в его рапортах как зачинщик пьяных драк в кафе «Лето». Пацаненок же был не кем иным, как сыном Василия Васильевича, Виташей. Самым удивительным было то, что Печенкин вел сына не за ухо, как обычно, а за руку. И вообще, между отцом и сыном наблюдалось завидное согласие, более того, Печенкин-старший взирал на Печенкина-младшего с уважением, если не сказать – с пиететом.

В ушах Гурия звучало «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду цветок», а это означало, что участковый пребывает в самом благостном расположении духа. «Интересно, уж не ко мне ли они направляются?» – лениво подумал Гурий и тут же невольно улыбнулся такому нелепому предположению: Василий Васильевич лейтеху Ягодникова терпеть не мог, общался с участковым только в форсмажорных обстоятельствах, а в мирное время переходил на другую сторону улицы, стоило только Гурию оказаться в поле его зрения.

Теперь все было наоборот. Теперь отец и сын Печенкины направлялись прямо волку в пасть. Долго не раздумывая и никуда не сворачивая.

«Судя по всему – ко мне, – подумал Гурий уже не так лениво. – Судя по всему – форсмажор!»

...Это действительно оказался форсмажор, да еще какой!

– Родной милиции общий привет, – прогундел Печенкин, втискиваясь в кабинет. И без предисловий ткнул в сына указательным пальцем: – Он, прощелыга!

Яблочко от яблоньки недалеко падает, что и говорить!

– Думаю, это не ко мне, – сдержанно ответил Гурий. – Думаю, это в детскую комнату милиции.

Сочувствия к малолетнему Печенкину у Гурия не было никакого. Он терпеть не мог деятелей типа Виташи: плюгашей-пакостников с соплями под носом и омерзительными мыслями под черепной коробкой. Такие, с позволения сказать, чада мучили домашних животных (от мыши до козы), писали на заборах срамные слова и подозрительно часто вертелись около женского отделения бани. Вместо того чтобы, как и положено чадам, читать Майн Рида и Фенимора Купера. Или «Декамерон» Боккаччо на худой конец.

– Да обожди ты с детской комнатой, – невежливо перейдя на «ты», перебил участкового Печенкин-старший. – Это еще успеется. Мой-то прощелыга трупак нашел. Так-то! Знай наших.

– Что нашел? – не понял Гурий. – Какой такой трупак?

– Настоящий. Смердячий. – От гордости за сына Василий Васильевич даже икнул. – Сидит себе в лодке и ни гугу!

– Да кто сидит?!

– Да трупак! Он бы там до белых мух просидел, если бы не мой прощелыга.

Только теперь до лейтенанта Ягодникова стал доходить смысл тронной речи Печенкина-старшего: Печенкин-младший, находясь в свободном каникулярном полете и шастая где ни попадя, обнаружил какой-то труп.

– Утопленника, что ли? – на всякий случай уточнил Гурий.

– В том-то все и дело, что нет! – Василий Васильевич торжествовал. – Утопленника – это мы проходили. Утопленники что! Ты выше бери. Убиенного.

– Да с чего ты взял, что убиенного?

– Да у него ползатылка снесено! Я сам видел.

– И где же ты все это видел? – Верить известному мартышкинскому выпивохе Гурий не спешил.

– Где-где! В лодочном кооперативе. «Селена».

Легендарный местный долгострой был хорошо известен Гурию. «Селена» затевалась году эдак в восемьдесят пятом, когда Гурий был чуть постарше Печенкина-младшего. Места в кооперативе распределялись между прикормленной питерской интеллигенцией из числа активных членов творческих союзов. Да и строительство шло по-интеллигентски – ни шатко ни валко. Уже потом, когда отгремела перестройка и началась эпоха свободного рынка, его взял в свои руки энергичный молодой бизнесмен. Бизнесмен отгрохал с десятков таунхаузов с эллингами для яхт, после чего благополучно грохнули его самого. Больше никто братья за кооператив не хотел, и он медленно ветшал и разрушался. До Гурия доходили слухи, что несколько домов в «Селене» обжиты, но соваться туда он не хотел. Там, где есть эллинги, есть и яхты.

Настоящие.

А с настоящими яхтами Гурий Ягодников покончил навсегда.

– Хорошо. Сейчас мы туда отправимся...

– Может, ты мне не веришь? – осенило Печенкина.

– На месте разберемся.

– Слышь, лейтенант... Ты тово, обязательно внеси, что трупак мой обормот обнаружил. Обязательно!

– Показания с вас и с вашего сына будут сняты в любом случае. Надеюсь, вы ничего там не трогали, Василий Васильевич? – аккуратно перешел на официоз лейтенант.

– Как можно! – Василий Васильевич так интенсивно замахал руками и заморгал глазами, что Гурий понял: если история с трупом – правда, то склонный к мародерству Печенкин общинал тело круче любого лагерного вертухая. Такой и в чужие трусы залезет в поисках наживы, с него станется.

...Печенкин не соврал. В кооперативе «Селена» действительно произошло убийство.

Вот уже три часа здесь работала оперативная бригада из Питера. Ягодников же охранял ближние подступы к таунхаузу, в котором было найдено тело. Пока оперативники занимались местом преступления, худощавый, похожий на циркового морского льва следователь по фамилии Дейнека аккуратно допрашивал Печенкина-старшего, Печенкина-младшего и приятеля Печенкина-младшего, еще одного сопляка-мартыгу. «Мартыгами» традиционно называли молодую мартышкинскую поросль, и второй парнишка был не самым худшим ее представителем. Во всяком случае, Гурию этот мартыга понравился гораздо больше, чем отпрыск Василия Печенкина, хотя он и видел парнишку лишь мельком.

Кажется, его звали Паша.

Именно эти двое – Паша и Виташа – и обнаружили труп, заглянув в эллинг по какой-то своей мальчишеской надобности.

Дело было достаточно серьезным. Настолько серьезным, что его сразу, минуя область, забрали в Питер. О том, что дело уходит в Питер, стало ясно еще на месте, и об этом сообщил Гурию в очередной перекур забубенный опер Антоха Бычье Сердце.

Антоха Бычье Сердце, он же Антон Бычков, был ягодниковским приятелем по школе милиции. Но, в отличие от Ягодникова, явно преуспел, сменил сомнительную фамилию Бычков на роскошную, без страха и упрека, фамилию Сиверс. И так попер по служебной лестнице, что к тридцати годам имел звание майора.

– А мог бы быть и подполковником, – интимно шепнул он Гурию. – Не дают. Бодливой корове, говорят. Сомнительные методы ведения дел, говорят. Ты же знаешь, нрав у меня крутой.

Нрав у Антохи был не просто крутым. Свирепым был нрав у Антохи, чего уж тут скрывать. Можно только посочувствовать тем несчастным, которые окажутся в руках Бычьего Сердца. И зубам тех несчастных. Он один, Антоха Бычье Сердце, мог играючи поставлять клиентов какой-нибудь навороченной стоматологической клинике. И обеспечить процветание

всего дружного зубоврачебного коллектива. Гурий лишь подумал об этом, но вслух произнести не решился. Даже шутки ради. Бычье Сердце – тот, каким помнил его Ягодников, – был бескорыстнее матери Терезы. Деньги не особенно интересовали его: в разумных пределах, конечно, не интересовали. Одеться, обуться, выкурить хорошую сигарету, треснуть по хорошему пивку – это да. Все остальное было не так уж важно. Важной была работа, важным было призвание. А призвание у Бычьего Сердца оказалось самым бесхитростным (и потому – мудрым, как чернозем): **мочить гадов**. Да так, чтобы земля горела у них под ногами. И здесь все средства были хороши. Уже в милицейской школе у Бычьего Сердца проявились все задатки цепного пса-беспредельщика. Один только вид его наводил священный трепет на окружающих: сломанный нос, сломанные уши, низкий шишковатый лоб и вечный бобрик на квадратной башке. А маленькие, тускло поблескивающие глазки Антохи намекали на членство в преступной группировке. И на пару-тройку ходок в зону.

Самым примечательным было то, что и ходки, и членство – все это могло бы стать реальностью, не будь у Антохи умнящего папаши – фрезеровщика с Кировского завода. Внешность и нрав Бычьего Сердца не оставляли у него никаких иллюзий насчет будущности сына.

– Тюряга по тебе плачет, – каркал он пятнадцатилетнему Антохе. – Ой, плачет! Ты уж лучше в менты иди, авось пронесет.

Антоха к доводам папаши прислушался и, повзрослев, подался в школу милиции. А смутные мысли отца оформил в теорию: бандиты и сыщики – близнецы-братья. Люди, замешенные из одного теста. Люди с одним и тем же экстремальным мировоззрением. И с одинаковым отношением к жизни. И к цене за эту жизнь.

Клану милиции Антоха служил верой и правдой: точно так же он служил бы и любому другому, мафиозному клану. Да и время для Бычьего Сердца было самым подходящим: кровавое, нашпигованное криминалом время. День без выезда на убийство он считал потеряннным.

– Застой, – ныл в таких случаях Бычье Сердце. – Застой, мать его еги! Измельчал народ, никакого вкуса к жизни!..

У самого же Бычьего Сердца вкус к жизни имелся в избытке. Он не церемонился с проходящими по делу свидетелями (после чего нередко попадал на ковер к вышестоящему начальству). Он спал с проходящими по делу свидетельницами (после чего нередко попадал на прием к анонимно практикующим венерологам – «пенисмэнам», как он их называл). Как-то ему удалось даже оприходовать разинувшую варежку понятую – в квартире, где произошло двойное убийство. Соитие с понятой в чуланчике, который примыкал к месту преступления, Бычье Сердце считал своим высшим сексуальным достижением.

К прочим достижениям старшего опера убойного отдела Антона Сиверса можно было отнести с десяток раскрытых убийств и уничтожение двух крупных бандитских группировок. Что и говорить, одинокий задумчивый труп из лодочного кооператива на фоне всего этого фейерверка смотрелся бледновато.

– Тухляк, – подытожил Бычье Сердце. – Уж поверь мне, Гурий. Это дело – тухляк. Намучаемся мы с ним.

В кармане жилетки убитого были найдены паспорт на имя Валевского Романа Георгиевича, трехдневной давности товарный чек ИЧП «Бригита» на сумму одна тысяча восемьсот рублей и конверт. Конверт был девственно чистым – так же, как и открытка, которая лежала в нем. Обыкновенная поздравительная открытка с надписью: **«СМОТРИ НЕ НАПИВАЙСЯ!»** А из водительского удостоверения, найденного в другом кармане жилетки, следовало, что Роман Георгиевич Валевский является владельцем внедорожника «Лексус», 2000 года выпуска, номерной знак А028ОА.

– Девяносто девять тонн гринов как с куста, – заметил Бычье Сердце, знающий толк в расценках на дорогие иномарки. – Ручная сборка. Зверь-машина. Самолет.

– За что же девяносто девять тонн?! – тихо ужаснулся Гурий, подсчитав, что собрать такую сумму ему удастся лишь за восемьдесят два года непорочной службы без еды и питья. – Там что, приборная панель из платины? За что девяносто девять-то?!

– А за то, что самолет!

Никакого «Лексуса», номерной знак А028ОА, в окрестностях лодочного кооператива обнаружено не было.

Никаких других вещей, кроме документов, чека и конверта, из карманов трупа извлечено не было. Ни рубля, ни доллара, ни завалящей монетки в пятьдесят копеек. Странное обстоятельство, учитывая щегольской прикид Романа Георгиевича и права на такое же щегольское авто.

Джип «Лексус» – совсем неплохо для двадцатисемилетнего молодого человека (а если верить паспортным данным, покойному Валеvскому месяц назад исполнилось как раз двадцать семь). Совсем неплохо, другой вопрос, откуда у такого молокососа такие деньги. На бандита он не смахивал, не иначе папин сынок, золотая клубная молодежь с прицелом на местечко в топливной компании. Или на креслице в Законодательном собрании. Или на кабинетик в Смольном. Или на виллу в Коста-Браво. Подобные заоблачные дали не светили ни Гурию Ягодникову, ни его дружану Антохе Бычье Сердце. Не светили они и Роману Валеvскому.

Теперь.

Гурий даже поймал себя на гаденьком люмпенском злорадстве по поводу безвременной кончины баловня судьбы. Поймал – и тут же устыдился этого. Тем более что личность Валеvского самым неожиданным образом прояснилась.

– Ты знаешь, что это за тип? – сказал Гурию Бычье Сердце. – Фигура довольно известная в определенных кругах. Он... Как бы это помягче выразиться... Танцор, одним словом. Балерун.

– Вы уже и это выяснили? – почтительно прошептал Гурий. – Оперативно работаете.

– Оперативно работаем не мы. Оперативно работает он. – Бычье Сердце мотнул тяжелой медвежьей башкой в сторону следователя Дейнеки. – Он у нас... как бы это помягче выразиться... балетоман. Всю зарплату в Мариинку сносит, чудила! И в прочие притоны песни и пляски. Такая вот страсть у человека.

Именно Дейнека поведал Антохе (а Антоха поведал Гурию), что Роман Валеvский является ведущим солистом труппы современного балета «Лиллаби». И хореографом по совместительству. «Лиллаби» был известен в родных палестинах гораздо меньше, чем на просвещенном Западе. И с Запада не вылезал. Последний год труппа провела в гастрольной поездке по Средиземноморью, Франции и странам Бенилюкса. После этого была Америка, и по возвращении из нее Роман Валеvский и его коллеги по «Лиллаби» затеяли амбициозный проект «Русский Бродвей». Проект был поддержан американским консульством («гнездом шпионов», как выразился Бычье Сердце), фондом Сороса («Сорососа», как выразился Бычье Сердце), еще несколькими фондами поменьше («цэрэушными подгузниками», как выразился Бычье Сердце) и несколькими высокопоставленными чиновниками из администрации города («.....», как выразился Бычье Сердце). Будучи еще в зародыше, «Русский Бродвей» отхватил уютный особнячок на Петроградке. А первым пробным камнем «Бродвея» должна была стать постановка грандиозного шоу «Вверх по лестнице, ведущей вниз». «Коллективное дрыганье ногами по книжке какой-то американской профуры», как выразился Бычье Сердце. «Видно, богатые мы очень, если платим американским профурам за авторские права!»

– Вообще-то, книжка очень хорошая, – робко возразил Гурий. – Хотя и старая.

– Какая же хорошая? Она же американская!

Крыть было нечем, и Гурий притих. Бычье Сердце еще некоторое время поливал грязью америкашек, раковой опухолью расплзшихся по планете, а потом переключился на космополита Валеvского.

– Не люблю я такие дела, – процедил Антоха. – Худосочные. Интеллигентские. Ромабалерун нам боком выйдет, чувствует мое сердце.

У Бычьего Сердца был такой удрученный вид, что Гурий попытался поддержать приятеля.

– Может быть, это ограбление? – неуверенно начал он. – Машины нет, денег нет... Польстились на джип и уколошили беднягу.

– А яхта при чем? Зачем его нужно было в яхту сажать? Зачем его вообще нужно было тащить к Заливу? И потом, видел, как ему тыкву прострелили? Чисто, аккуратно, любо-дорого посмотреть. Профессиональная работа. И улик с гулькиным носом. Грабители так за собой не подчищают.

– Чья яхта – установили?

– По документам эта часть дома принадлежит некоей Калистинии Антоновне Антропшиной. Больше пока ничего не известно. Сейчас пытаемся с ней связаться...

Закончить Бычье Сердце не успел – его окликнул кто-то из оперативников. Проводив взглядом приятеля, Гурий еще некоторое время потоптался на месте, а потом направился к сторожке, в которой следователь тщетно пытался привести в чувство пьяного охранника «Селены» и его такую же невменяемую подружку.

Обоих Печенкиных и юнца-мартыгу отправили восвояси: после снятия отпечатков и показаний делать им на территории лодочного кооператива было нечего. Да и рабочий день самого Ягодникова давно закончился. Если бы не труп, Гурий сидел бы сейчас в Пенниках и достраивал четырнадцатую яхту. Ставить паруса – самое приятное, самое сладкое, самое трепетное!... Четырнадцатая модель была любимым детищем участкового: во время ее закладки ему пришла в голову сумасшедшая мысль – подарить Эдиту-яхту Эдите-певице. Торжественный акт передачи был приурочен к ближайшему концерту дивы в БКЗ «Октябрьский». До концерта оставалось ровно двое суток, и нужно было поспешить, чтобы уложиться в сроки.

...Бычье Сердце закончил осмотр места происшествия только через час, клятвенно заверил Гурия, что пивка они выпьют в самое ближайшее время, и укатил в Питер вместе с трупом и всей бригадой. А Гурий отправился к себе в отделение, сдавать табельное оружие.

В отделении его и настигло еще одно сногсшибательное известие: на бесхитростном и далеком от криминала перегоне Ораниенбаум – Мартышкино обнаружено тело девушки.

* * *

...Полнолуние ознаменовалось воем собак. Собак было две – дворняга побольше и одичавший шпиц поменьше. Обе шавки, приписанные к проходной завода «Рассвет», имели неоспоримое преимущество перед всем остальным животным миром – они существовали **всегда**. Как птица Сири и птица Алконост, как Сцилла и Харибда, как пирамида и сфинкс, как тьяни-толкай, как Христос и Иуда, как двуликий Янус.

Так, во всяком случае, думала Лена.

Она жила в этом доме на Васильевском восемь лет – и все восемь лет шпиц и дворняга мозолили ей глаза. Дом под номером 99 был последним на Четырнадцатой линии и стоял особняком. То есть не совсем особняком. От остальных, густо прилепившихся друг к другу домов его отделяла всего лишь неширокая Камская улица. По другую сторону протекала когда-то живописная, а теперь загаженная до безобразия речушка Смоленка. Муж Лены, Гжесь, именовал дом «предбанником Господа Бога». В этом была известная доля истины: окна их квартиры на шестом этаже выходили сразу на три кладбища – православное, армянское и лютеранское.

Самое время подумать о душе.

Но о душе Лена и Гжесь не думали. Они думали о том, как бы поскорее развестись. В состоянии вялотекущего разрыва отношений они находились последние три года, и конца-краю этому процессу видно не было.

Лена и Гжесь вели затяжную позиционную войну.

Иногда война сменялась кратковременным перемирием и даже братанием: Гжесь, как и всякий здоровый тридцатилетний мужик, имел известного рода потребности, и когда дежурной шлюхи для их удовлетворения не оказывалось, в ход шла Лена. Лена в сто тридцать третий китайский раз давала себе слово не поддаваться на провокации – и с завидным постоянством нарушала его. Все дело было в подлом и душном характере Гжеся – он всегда получал свое. Во всяком случае, от Лены. Проще было завалиться с ним в койку, чем слушать звон бьющейся посуды и треск разрываемых на корпию занавесей. В какой-то момент Лена заметила весь имеющийся в доме фарфор и фаянс на одноразовые пластиковые тарелки и вилки. И к чертовой матери сняла все портьеры и прилегающий к портьерам тюль. Что-то ты теперь будешь делать, дружок Гжесь?

Дружок Гжесь раздумывал недолго: он раскурочил кухонный комбайн, подаренный на свадьбу, после чего застыл в оконном проеме с видеодвойкой в руках. Видеодвойка была единственным ценным предметом в их доме, и расстаться с ней у Лены не было никаких сил.

Гжесь одержал очередную победу на важном стратегическом направлении.

Но проиграть сражение еще не значит проиграть войну.

Именно этим утешалась Лена, уводя остатки своей наголову разбитой плоти в ванную – зализывать раны, зашивать амуницию и чистить покрытое позором оружие. К счастью, довольно быстро смываемым позором.

Гжесь же укреплял завоеванные позиции и оперативно превращал в бивак недавнее поле боя: взбивал подушки, поправлял смятые в пылу страсти простыни и вытряхивал одеяло. В такие минуты Гжесь расслаблялся.

Расслабился он и сейчас.

– Когда мы подаем на развод? – в сто тридцать третий китайский раз спросила Лена, появляясь в дверях спальни.

– Тебе надо, ты и подавай, – в сто тридцать третий китайский раз ответил Гжесь, нагло развалившись на когда-то вполне мирном супружеском ложе.

Акт о безоговорочной капитуляции должен быть подписан, иначе Война Алой и Белой розы не закончится никогда. Они оба устали от этой войны, неужели Гжесь-Ланкастер этого не понимает?

– Завтра. Завтра я подаю заявление.

– И завтра, и послезавтра, и через месяц, и через год, – издевательским дискантом напел Гжесь, – мы будем вместе, мы будем вместе, и наша любовь не пройдет!

– Скотина! – прошипела Лена, наполовину высунувшись из окопа. – Где только были мои глаза, когда я выходила за тебя замуж?!

– Там же, где и мои, когда я на тебе женился. – Гжесь перевернулся на живот и пошлепал себя по гладкой упругой заднице.

Конечно же, Гжесь лукавил. Или был просто-напросто не силен в анатомии. Совсем другое место следовало бы показать ему. Совсем другое, но находящееся в восхитительной симметрии с задницей. На противоположной стороне таза.

Лена Шалимова и Гжесь Вихура поженились пять лет назад. В ту пору Гжесь заканчивал актерский факультет театральной академии, а Лена писала диплом «Математические методы оптимального управления». Диплом был так себе, да и студенткой Лена была так себе: никаких склонностей к точным наукам у нее не было (к гуманитарным, впрочем, тоже). На мехмат ее устроил отец, неожиданно объявившийся в пору позднего Лениного отрочества. До этого Лена знать не знала о его существовании, беззаботно жила в провинциальной Коломне, беззаботно

каталась на «Яве» пэтэушника Генки Фрязина и беззаботно мечтала о карьере маникюрши. И о тихом семейном счастье с пэтэушником Генкой Фрязиным. И о трех детях – тоже: о девочке (обязательно старшей) и двух мальчиках-близнецах.

Отец приехал летним утром электричкой из Москвы; долго отирался у калитки, долго беседовал с матерью Лены – подуставшей от жизни хабалкой с санэпидстанции. Мать отвечала за дератизацию предприятий города и на мир смотрела с брезгливостью – так же, как и на подотчетные крысиные хвосты. Беседы Лена не слышала: она тихонько сидела в своей комнатке, сгорая от стыда за мать-грозу-коломенских-крыс и за весь их несуразный быт. Перед совершенно незнакомым ей, хорошо одетым седым человеком в стильных очках без оправы.

Через полчаса появилась мать со сногшибательной новостью:

– Ты едешь в Питер. К своему отцу.

– К моему отцу? – безмерно удивилась Лена. – Разве у меня есть отец?

– Представь себе. Я же не богоматерь, в конце концов!

– И зачем я должна к нему ехать? В гости?

– Учиться. Взрослая ведь девка, школу уже закончила. Пора и о будущем подумать.

Нельзя сказать, чтобы это известие сильно порадовало Лену, – мечта о карьере маникюрши и семейном гнезде с девочкой постарше и двумя мальчиками-близнецами стремительно отдалялась.

– И когда я должна ехать?

– А чего тянуть? Сегодня и поедешь.

– Но...

– Хочешь всю жизнь просидеть в этой дыре, как я?..

«Хочу, еще как хочу», – подумала Лена, но вслух высказаться не решилась. Она никогда не перечила матери. Она была примерной дочерью.

– Хочешь выйти замуж за дебила Генку?

Хочу, еще как хочу!..

– Почему это он дебил?

– Потому что, – отрезала мать. – Через полгода начнет водку глушить, через год – лупить тебя как сидорову козу, через пять – от белой горячки подохнет. Или разобьется по пьяни на своем мотоцикле.

– А я?!

– А ты вдовой останешься. – Глаза матери горели недобрым пророческим огнем. – Да еще с детьми. Дай бог – один будет. А если целый выводок? Выводок я не прокормлю!..

Закончив тираду в стиле древнегреческой Пифии, мать полезла на шкаф за чемоданом: судьба Лены была решена.

В тот же день они с отцом уехали из Коломны. Генка даже не проводил ее, променяв душераздирающее прощание на футбол по телику. Мать торопливо всплакнула у раскрытых дверей электрички и так же торопливо дала последние наставления:

– Ты отца не стесняйся, требуй свое, веревки из него вей, он тебе больше должен. А в общем, неплохой он человек, Анатолий Аристархович, да и жизнь, видно, его поприжала!.. Ну, может, оно и к лучшему, Питер – город приличный, не пропадешь. А мне тебя тянуть уж не вмоготу...

...Питер и вправду оказался городом приличным, вот только чересчур холодным. Холодным был и отцовский дом. В нем царил культ матери отца – Виктории Леопольдовны. Лене и в голову не приходило назвать ее бабушкой. Только по имени-отчеству и только на «вы». Впрочем, и сама Виктория Леопольдовна обращалась к Лене исключительно на «вы».

– Не ставьте локти на стол, милочка. И подтирайте за собой в ванной комнате, пожалуйста. Вы ведь в профессорском доме, а не у себя в Кинешме.

– В Коломне, – тихо поправляла Лена.

– В Кинешме, в Коломне – какая разница. Мой сын, а ваш... – в этом месте своих ежедневных наставительных спичей Виктория Леопольдовна всегда скорбно поджимала губы, – ...ваш отец – человек, безусловно, совестливый. Мягкий, добрый...

«Размазня, – припечатала бы старуха, не будь она такой интеллигентной, – размазня, который вбил себе в голову, что виноват перед нахрапистой девкой из провинции и ее отродьем. Виноват грехами взыгравшей отпускной плоти – единственными грехами, которые легко отмолить».

– Но я, милочка, человек совсем другого склада...

«На мне где сядешь, там и слезешь, – припечатала бы старуха, не будь она такой интеллигентной, – пусть размазня перед тобой стелется, а я тебе ничего не должна. Скажи спасибо, что приветили, не дали пропасть в Кинешме... Костроме, Калуге, Коломне, Караганде... Какая, впрочем, разница!...»

Первые два месяца, проведенные в доме Виктории Леопольдовны на Васильевском, стали настоящей пыткой. Каждый день Лена порывалась уехать обратно – в залитую солнечным светом и зеленью патриархальную Коломну. И – не уезжала.

Из-за отца.

В первый (и единственный) раз он нашел ее за три минуты до отхода московского поезда. Лена уже сидела в вагоне, когда увидела его. Отец упирался ладонями в окно и, не отрываясь, смотрел на нее. Грудь его тяжело вздымалась, по щекам текли крупные слезы, а губы что-то безостановочно шептали. Впрочем, Лена безошибочно поняла – что:

«Прости меня, прости меня, прости меня!»

Конечно же, она никуда не уехала. Она выскочила из вагона в самый последний момент, позабыв сумку с вещами и рискуя свалиться под колеса. Сколько они простояли на перроне под дождем, обнявшись и все прощая друг другу, – час, минуту, всю короткую Ленину жизнь?... Отец сбивчиво говорил Лене, что никогда не подозревал о ее существовании, он и предположить не мог, что после коротенького курортного романа, интрижки на Рижском взморье, на свет появится она... Что если бы Ленина мать не написала ему спустя столько лет, он никогда бы не узнал, что у него взрослая дочь... Красавица-дочь... Жизнь его отцвела пустоцветом, заросла крапивой, пятьдесят три года – и никого... А вот теперь у него взрослая дочь... Красавица-дочь... Неожиданное, позднее счастье... Счастье, счастье, а Виктория Леопольдовна, что ж – ты уж прости ее, девочка, ты же умница... Со временем она все поймет. И примет – со временем. Нужно только потерпеть...

...Когда терпеть становилась неважно, Лена закрывалась в своей комнате с видом на лютеранское кладбище, плакала и ждала отца. С отцом ей всегда было хорошо. Ей ни с кем не было так хорошо. Никогда.

Они много гуляли – дочь должна знать город отца, как же иначе! Они ходили в цирк и зоопарк (отец как будто наверстывал упущенное, ведь с маленькой Леной он в цирк и зоопарк не ходил); в выходные наступал черед театров и музеев (Лена-подросток проскочила театры и музеи, теперь приходилось к этому возвращаться). А вечера, свободные от прогулок, были посвящены математике: отец слепо верил в то, что Лена обладает математическими – семейными – способностями. Математика была главным делом всех Шалимовых – деда-академика, отца-профессора.

И теперь вот – Лены.

Никаких особых способностей у Лены не оказалось, но на мехмат университета она все же поступила – чтобы не огорчать отца. Она сделала бы все что угодно, только бы не огорчить его. Она смирилась даже с поджатыми губами Виктории Леопольдовны. Терпи, терпи, чернавка, отцу еще тяжелее!..

Отцу действительно было тяжелее всех: он обожал дочь и души не чаял в матери, он разрывался между обеими своими женщинами. Единственными близкими существами, за которых готов был отдать жизнь.

– Ты идеалист, Анатолий, – клевала его Виктория Леопольдовна. В строго отведенные часы: сразу после вечернего чая.

– Что же дурного в моем идеализме? Ты сама за него ратовала столько лет.

– Не передергивай, милый. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Поверил наглой бабе из какой-то Кинешмы...

– Коломны, мама, – тихо поправлял отец.

– Кинешма, Коломна, какая разница!.. Великовозрастен и сед, а купился на грязную инсинуацию, как ребенок! Господи, ты же знаешь, на что способны иезуитки из провинции. Вспомни Маняшу, нашу домработницу! Ушла со скандалом, да еще сервиз из кузнецовского фарфора прихватила. А Аристарх Дмитриевич этот сервиз обожал. И академик Асатиани тоже. И членкор Перельман! Ты только вспомни...

– При чем здесь кузнецовский фарфор? При чем здесь членкор с академиком?!

– Сервиз – всего лишь наглядный пример, так сказать, иллюстрация...

– И слава богу, что прихватила! И черт с ним, с сервизом, гори он синим пламенем... Этот сервиз – кошмар моего детства...

– Ну, какая она тебе дочь, скажи на милость?

– Дочь.

– Тупая девица, которая не в состоянии построить даже сложноподчиненное предложение, не может быть твоей дочерью!

– Она – моя дочь. – Вот он и наступал, момент, когда в тихом голосе отца появлялся металл. – Она моя дочь, и тебе придется с этим смириться.

Перед металлом Виктория Леопольдовна со всей ее хрупкой брезгливостью была бессильна. Оставалось только по обыкновению скорбно поджать губы и вперить взгляд в поясной портрет академика Аристарха Шалимова кисти художника Павла Корина. Что Виктория Леопольдовна и проделывала – в качестве ритуального жеста.

– Счастье, что Аристарх Дмитриевич не дожил до помешательства единственного сына!

– Не клевети на отца! – взвивался Анатолий, тут же, впрочем, затихая. – Уж он-то меня бы понял. Уж он-то был бы счастлив, что у него такая внучка!..

Лена, как правило, слушала эту тихую интеллигентную перебранку, затаившись у дверей своей комнаты. Ее охватывал ужас от одной только мысли, что старая карга права и что ее отец может оказаться не ее отцом. Она часами простаивала перед портретом академика, ища – в нем и в себе – черты фамильного сходства. Она вдоль и поперек изучила все альбомы с фотографиями: оказалось, что в молодости карга Виктория Леопольдовна была о-го-го как привлекательна, ее муж академик Аристарх Дмитриевич о-го-го как представительен, а отец Лены...

Для отца Лены не было никаких сравнений. Он был самым лучшим. Он был ее отцом, вот и все. Самым умным, самым добрым, самым красивым. Ради него стоило маяться на мехмате, ради него стоило подучить сложноподчиненные предложения. И сложносочиненные заодно.

Внезапно вспыхнувшая любовь к отцу делала свое дело: Лена стремительно образовывалась. И преображалась. Не без его помощи, конечно. Через год в строгой темно-рыжей девушке уже нельзя было признать коломенскую тетеху с рыхлым подмосковным говором. В ней (откуда что берется?!) появился даже тот особый – поджарый и холодноватый – шарм, который так свойствен коренным петербуржцам. За Леной теперь бегала половина факультета, включая залетных почасовиков, приблудных аспирантов и агрессивно настроенных старших преподавателей. Но это была лишь пародия на мужчин. Отец – совсем другое дело...

Несмотря на явный Ленин прогресс, отношения с Викторией Леопольдовной не налаживались. Напротив, они становились все нетерпимее. Старую каргу бесили метаморфозы, происходящие с внучкой-самозванкой.

– А вы не столь простодушны, сколь казалось на первый взгляд, милочка. Стоит ли так себя истязать хорошими манерами? Ведь выше головы не прыгнешь...

«И настоящей Шалимовой не станешь, хоть на пупе извертись, – припечатала бы старуха, не будь она такой интеллигентной. – Мерзавка, воровка, пришлая девка!»

С некоторых пор Лена научилась не обращать внимания на мелкие укусы старой карги. Что ей Виктория Леопольдовна, когда рядом отец? Он рядом, и это счастье.

...Счастье закончилось внезапно. Рухнуло, оборвалось, рассыпалось в прах.

Отец умер от обширного инфаркта. Накануне они отмечали Ленино двадцатилетие – в небольшом чопорном ресторанчике на Невском. Было сумасшедше весело, немножко грустно и невыразимо сладко – словом, все было как всегда, когда они оставались вдвоем и никто не мешал им. Кроме официанта, который менял пепельницы через каждую минуту вместо положенных трех. И исподтишка поглядывал на Лену.

– По-моему, ты ему понравилась, – шепнул отец, когда официант в очередной раз удалился. – По-моему, он готов сделать тебе предложение.

– Не говори глупостей, папа!

– Нет, правда. И я даже знаю, о чем он думает. Думает, что ушлый старикашка отхватил самую прекрасную девушку из всех самых прекрасных девушек.

– Ну, какой же ты старикашка? – Выпитое шампанское вдруг самым предательским образом ударило Лене в голову. – Ты – импозантный зрелый мужчина на пике формы. Только такие мужчины и могут быть хозяевами жизни.

– Сила молодости еще сохранилась, а мудрость старости уже пришла? – Отец подмигнул Лене. – Тогда не будем его разочаровывать.

– Не будем.

Отец поднялся, обошел столик, галантно поклонился и, поцеловав Лене руку, пригласил ее на танец. Вот так-то, господин официант!

– Ты хорошо танцуешь, – сказал отец, склоняясь к Лениному уху.

– И ты, – после небольшой паузы ответила Лена.

Должно быть, они подумали об одном и том же.

– Рано или поздно он появится. И ты уйдешь от меня.

– Совсем необязательно уходить. – Лена положила голову на грудь отца.

– Даже если ты не уйдешь, ты все равно уйдешь.

– Успокойся. Никто тебя не заменит. Никогда.

– Если бы ты только знала, как я жалею о каждом дне, проведенном вдали от тебя! Ты знаешь, сколько их было, этих дней?

– Сколько?

– Я подсчитал. Шесть тысяч пятьсот семьдесят. Или около того. Если бы твоя мать не написала мне... Страшно даже представить...

– Но теперь-то я с тобой! И знаешь, тот, который появится, рано или поздно, думаю, он будет похож на тебя. Он будет вылитый ты...

На следующее утро отец не вышел к общему завтраку. Это было вопиющим нарушением распорядка, за которым строго следила Виктория Леопольдовна. Отец никогда не нарушал распорядка. Он не нарушил бы его и сейчас, если бы не умер. Во сне. Сердце, полное любви к Лене и любви к матери, не вынесло глухой стены вражды между ними. Он умер, и никаких общих завтраков больше не будет. И ничего не будет.

Ничего.

Похороны Лена помнила смутно. Скромные, приглушенные похороны. Пришли друзья отца по университету и несколько соратниц Виктории Леопольдовны – таких же, как она, академических вдов. На Лену вдовы подчеркнуто не обращали внимания. Плевать ей было на их внимание. Плевать ей было на все.

Отец – вот кто был важен ей. И теперь его не стало.

И Лены не стало. То есть существовала темно-рыжая оболочка, но под этой оболочкой все выгорело дотла. Выгорело и покрылось слоем золы.

Пепелище.

Именно на это пепелище и пришла Виктория Леопольдовна.

– Я жду вас к завтраку уже десять минут, милочка, – сказала она, как обычно поджигая губы. – Вы живете в нашем доме два года. Пора бы уяснить, что существуют вещи незыблемые. Не зависящие ни от чего. Ни от чего, вы слышите! Порядки устанавливал даже не... покойный Анатолий. Порядки устанавливал сам Аристарх Дмитриевич. И не вам их менять.

Странно, но именно ненависть старой карги, такая живая, такая восхитительно упругая, ненависть с бровями вразлет, горячным румянцем и юным блеском глаз, – эта ненависть и вытянула Лену. Теперь они с Викторией Леопольдовной цеплялись за свою взаимную неприязнь, чтобы заглушить чувство потери. Все лучше, чем ничего. Неприязнь не прошла даже тогда, когда старая карга слегла. Чтобы больше никогда не подняться. Молодой врач-интерн, пришедший освидетельствовать больную, видимых нарушений опорно-двигательного аппарата не обнаружил, отчего у больной отказали ноги, объяснить не смог и назначил Лене свидание, что было совсем уж бесперспективно. Лена вежливо отказала, а интерн еще долго витийствовал о неизученной природе такого вот паралича на нервной почве.

– Самодурствует старуха, – ухмыльнулся он напоследок. – Наплачетесь вы с ней. Мой вам совет: найдите сиделку пожестче, с такой церемониться – себе дороже. Она из вас все жилы вытянет, знаю я эти интеллигентные мумии. А лучше сдайте ее в приличный интернат, пока не поздно...

– Пошел вон, – сказала Лена, удивляясь своей невесте откуда взявшейся ярости.

То же самое она услышала от старой карги, когда – после визита интерна – робко зашла к ней в комнату.

– Подите вон, милочка. – Виктория Леопольдовна царственно указала ей на дверь. – Вам здесь делать нечего. Даже Аристарх Дмитриевич не входил сюда, не постучавшись.

Хорошо еще, что не по предварительной записи!

– Я просто хочу помочь, Виктория Леопольдовна... Я сделаю все, что нужно.

– Не стоит утруждать себя. Если вы печетесь о квартире, то можете не волноваться. Она и так достанется вам. Благодарите покойного Анатолия, в своем завещании он объявил вас единственной наследницей.

– Но...

– С мертвыми не рискну спорить даже я. Вы добились, чего хотели. Можете торжествовать.

Никакого торжества не было, хотя Лена все еще винила старую каргу в смерти отца. Никакого торжества не было, и как-то само собой получилось, что Лена стала и медсестрой, и сиделкой, и поварихой. Вся ее жизнь сосредоточилась теперь на вздорной старухе – ведь Виктория Леопольдовна была единственной, кто еще связывал ее с ушедшим отцом. Лена быстро научилась больничным премудростям и знала теперь, как мыть парализованных, как переворачивать их, чтобы не было пролежней, как ставить им уколы... По вечерам Лена читала старой карге книги из личной библиотеки Аристарха Дмитриевича – все больше неторопливые, давно угасшие фолианты: Филдинг, Стерн, Теккерей, Диккенс.

– У вас, милочка, каша во рту, – едко замечала старуха после двух часов непрерывного чтения. – Нужно работать над дикцией.

И Лена работала – иступленно, до боли в одеревеневших губах. Через полгода непрерывных занятий она легко бы выдержала конкурс на чтеца-декламатора. Вот только чтецы-декламаторы никому не требовались.

Требовались деньги на поддержание существования. А денег как раз и не хватало. Ни Лениной крошечной стипендии, ни академической пенсии старухи. Тогда-то и было решено заложить в ломбард фамильный перстень Виктории Леопольдовны – роскошный сапфир в золотой оправе. И с маленькими бриллиантами вокруг большого камня.

– Не вздумайте присвоить его, милочка, – напутствовала Лену старая карга. – Этот перстень всегда принадлежал только Шалимовым. Он не терпит самозванцев.

Уж лучше алчные ростовщики, чем самозванцы, которые из-под тебя горшки выносят, прелестная политика!

До ломбарда Лена так и не дошла: отдать шалимовскую драгоценность в чужие равнодушные руки казалось ей святотатством. В конце концов, она взрослый человек, выкрутится как-нибудь...

...Тема с сапфиром всплыла за сутки до смерти Виктории Леопольдовны. Старуха угадала, даже ее обычная бодрая ненависть к Лене начала давать сбои.

– Покажите-ка мне квитанцию из ломбарда, – сказала карга после очередной порции Диккенса. – Все забываю спросить вас о ней.

– Да, конечно... Вот только не помню, где она, – тотчас же нашлась Лена. – Кажется, я ее потеряла.

– Лжете, милочка. – Виктория Леопольдовна отвернулась к стене и добавила совсем тихо: – Надеюсь, что лжете... Анатолий вас боготворил, уж не знаю за что... А теперь уходите. Мне нужно побыть одной.

Она умерла, как хотела: в полном одиночестве, так и не признав Лены. И без того холодный дом превратился в ледяную пустыню, по которому бродили одни лишь продрогшие воспоминания. Но Лене не было места даже в этих воспоминаниях.

И тогда появился Гжесь.

Он был далеко не первым, кого Лена приводила в стылые руины на Васильевском, чтобы хоть чуточку согреться. Но он был единственным, кто остался.

Гжесь не был похож на отца, более того, он был полной его противоположностью. Черный, как смоль, с повадками восточного бая (даром что поляк с хвостатой обрусевшей родословной), бесшабашно-наглый, циничный – даже в период глухариного токования. Ум Гжесю успешно заменяли темперамент и память на цитаты из постмодернистских пьес. Качества, необходимые актеру, но совсем уж непригодные для долгой счастливой жизни.

Когда Лена поняла это, Гжесь уже успел надеть ей на палец кольцо и утвердиться в профессорском доме. Но сначала была постель, растянувшаяся на целый месяц. Гжесь оказался опытным любовником, а Лена – примерной ученицей (со склонностью к импровизации и дополнительным занятиям по предмету). Их страсть оказалась настоящей сибариткой: она хотела хорошо одеться, была не дура выпить и посидеть в дорогом кабаке. Их страсть не была самодостаточна: она обожала шумные компании, легкий петтинг при свидетелях, прогулки по Неве на зафрахтованном пароходике с обязательным сексом в машинном отделении. Их страсть жить не могла без наперсников и наперсниц, жрущих и пьющих в три горла.

На поддержание страсти были ухлопаны остатки библиотеки и кузнецовского фарфора, три серебряных подсвечника, индийская резная ширма из сандала и скульптурная миниатюра Лансере «Побег из горского плена». Лишь поясному портрету Аристарха Шалимова кисти Павла Корина удалось устоять. По той простой причине, что Гжесь почти не разбирался в художниках и живо реагировал лишь на Репина, Шишкина и Бориса Валуево.

Лишившись материальной базы, страсть поскучилась. Не то чтобы она исчезла совсем, но стала заметно сдержаннее. Гжесь наконец-то устроился в хороший театр (на плохие роли).

Потом был театр похуже, потом – кукольный театр, а потом на горизонте Гжеся нарисовался Гавриил Леонтьевич Маслобойщиков. В лучшие свои годы Маслобойщиков был режиссером ТЮЗа и даже поставил несколько нашумевших спектаклей. Лучшие годы быстро закончились – по причине длительных запоев Гавриила Леонтьевича. Теперь (в свободное от белой горячки время) Маслобойщиков занимался стыдливой «школьной антрепризой». А проще – чесом по школам с пустяковыми детскими спектаклями. Труппа Гавриила Леонтьевича была немногочисленной и состояла из самого Маслобойщикова, его жены Светани – потертой провинциальной примы с замашками Сары Бернар и травестюшки Афины Филипаки. Лучшего тюзовского поросенка сезона 1999 года. На монументальное «Афина» лучший тюзовский поросенок откликнулся неохотно, предпочитая уменьшительно-ласкательное «Афа». «Афой» Афину Филипаки называли еще в хореографическом училище.

Маслобойщиков совратил Гжеся у тогда еще существовавшего блошиного рынка на Седьмой линии. Гжесь выполз из метро «Василеостровская» с твердым намерением посетить забегаловку «Хачапури». Тут-то он и наткнулся на мэтра, который пытался сбыть с рук бюстик Станиславского. Поначалу Гжесь принял Станиславского за Немировича-Данченко, а Маслобойщикова – за алкаша-экстремиста. Недоразумение, впрочем, быстро разрешилось, и в «Хачапури» они отправились вместе. После пятой рюмашки Гжесь был зачислен в штат театра «Глобус» (именно так гордо именовалась «школьная антреприза») и с лету получил роли всех героев-любовников во всех репертуарных пьесах «Глобуса» – лешачка, бесхвостого волчары и слоненка Бимбо.

– Судя по твоей унылой физиономии, у тебя есть жена и тачка. – Несмотря на разлагающее влияние спиртного, Маслобойщиков не утратил способности к психоанализу.

Престарелая «шестерка» у Гжеся действительно была – именно в нее трансформировались денежки, вырученные от продажи скульптурной миниатюры Лансере «Побег из горского плена». Известие о «шестерке» самым благоприятным образом сказалось на настроении Гавриила Леонтьевича Маслобойщикова.

– Отлично. Труппа должна быть мобильной, а декораций у нас немного, в багажник влезут. У тебя жена, часом, не актриса?

– Бог миловал, Леонтьич! – Гжесь подпрыгнул на стуле и даже осенил себя мелким крестным знаменем.

– Это жаль. Еще одна баба нам не помешала бы. Разбегается труппа, сил нет! А замыслы – масштабные. Вплоть до древнегреческих хоров...

– Ну-у... Женка-то у меня вообще ничего, фактурная. Для древнегреческих хоров бы подошла.

– Вот и ладушки. Если что, мы и ее выдернем. Лишняя копейка вам никогда не помешает. Ты как, не возражаешь?

Возражений не последовало, и оба раздухарившихся прихвостня Мельпомены сдвинули рюмки.

...Через три часа плохо стоящий на ногах Маслобойщиков был представлен Лене как худрук и главреж. Его театр соответственно – как лаборатория духа, форпост искусства и камертон нравственности. Облобызав «нефритовые» пальцы очаровательной амазонки, «о, злодей, скрыл от Мастера прелестницу жену!», Маслобойщиков тут же нарисовал перед Леной фантастические перспективы «Глобуса»: малая сцена, экспериментальные постановки с прицелом на коммерческий успех, театральные фестивали в Эдинбурге и Авин... Слово «Ави-ньон» Маслобойщиков выговорить так и не сумел и отправился в ванную – блевать.

– Что это за тип? – поинтересовалась Лена у мужа, прислушиваясь к подозрительным звукам в ванной. – В какой ночлежке ты его подобрал?

– Тсс... – Гжесь приложил палец к губам. – Я понимаю, художника обидеть может всякий. А он, между прочим, режиссер от бога. Глыба. Талантище. Мейерхольд и Товстоногов в одном флаконе. Ты что-то имеешь против?

Против Мейерхольда и Товстоногова у Лены аргументов не нашлось.

– Значит, ты будешь работать у этой глыбы?

– Мы. Мы будем у него работать.

Справедливости ради нужно отметить, что работы у Лены оказалось немного. Постоять у правой кулисы с переносной лампой, изображая умиротворенное солнце. Постоять у левой кулисы с двумя китайскими веерами, изображая подгулявшие волны. Постоять у театрального задника с бутафорским лопухом, изображая волнующийся лес. Иногда Лена подменяла Афу Филипаки: у Афы – единственного вменяемого человека из всего не совсем здорового коллектива «Глобуса» – в последнее время появились кое-какие перспективы. Сама Афа, из чисто актерского суеверия, рассказывать о них не хотела – даже Лене, с которой неожиданно и быстро сблизилась. В отличие от всех других членов труппы, и Лена, и Афа имели еще один, не связанный с «Глобусом», источник дохода. Лена продавала псевдофранцузскую косметику в ларьке на станции метро «Маяковская», Афа же разносила этот суррогат по электричкам ломоносовской ветки. Вкупе с пивом, фисташками, электродрелями «Бош» и лежалой желтой прессой. Свой немудреный бизнес Афа Филипаки называла красивым и малопонятным словом «джусерство».

Лена и сама бы переквалифицировалась в джусеры, если бы электрички не имели конечных остановок. О, если бы только электрички не имели конечных остановок! Она бежала бы куда глаза глядят, она вскочила бы на подножку последнего вагона, подставила лицо ветру свободы, а потом... Потом разорвала бы паспорт со штампом о браке и с упоением наблюдала бы, как клочки постылого документа бессильно ложатся на насыпь и исчезают в ближайшей лесополосе.

Точно так же исчезнет квартира отца, стоит ей только начать бракоразводный процесс. Гнездо, которое она так и не сберегла. Поднаторевший в продаже имущества Гжесь разменяет ее с оперативностью блохи.

– Где только были мои глаза, когда я выходила за тебя замуж?! – Очередной артиллерийский залп не достиг цели: Гжесь уже успел передислоцироваться с кровати в кресло и натянуть джинсы.

Дальнейшая тактика ясна: за джинсами последуют рубашка, носки и перенесение боевых действий на кухню. Но до кухни дело не дошло. Между рубашкой и носками раздался телефонный звонок.

– Это тебя, – сказал Гжесь, рассеянно выслушав стенания в трубке. – Твой хачик. Требуется, чтобы ты немедленно появилась на работе.

– Странно... Он не сказал, что произошло?

– Нет. Он только сказал, что дело не терпит отлагательства. И посоветовал взять машину. Что, дневную выручку профукала?

Самое время нанести очередной фланговый удар по Гжесю: вот кто умеет профукивать, просаживать, проматывать, пускать по ветру!.. Но никакого удара Лена не нанесла, и это вступало в противоречие со всем ходом войны. Да что там пигмейская война – вот уже три дня Лена находилась в противоречии сама с собой.

И все из-за пятницы.

Из-за проклятой благословенной пятницы, после которой жизнь ее резко изменилась. Нет, внешне все осталось как и прежде, включая стычки с Гжесем и даже торопливую, отдающую мокрой собачьей шерстью, оскорбительную для обоих постель.

Но это не значило ровным счетом ничего.

И Гжесь не значил ничего. И вся ее жизнь не значила ничего. И никчемный парфюмерный закуток на метро «Маяковская» не значил ничего. То есть, конечно же, значил, но с тем же успехом это могло быть все что угодно: вагон метро, магазинчик дешевой белорусской обуви, крошечное плато на вершине Эвереста...

Они все равно должны были встретиться.

Вся ее жизнь была лишь подготовкой к проклятой благословенной пятнице. Лене ничего не стоило уйти с работы на полчаса раньше. На десять минут раньше. На минуту. Тогда встреча бы отложилась и перенеслась бы в вагон метро, магазинчик дешевой белорусской обуви, на крошечное плато на вершине Эвереста.

Неважно куда – ведь они все равно должны были встретиться.

Он не был похож на отца, как и Гжесь. Но **по-другому** не похож. То есть сам отец мог бы быть таким, как Он. Если бы на него всю жизнь не давила Виктория Леопольдовна. И поясной портрет академика Аристарха Шалимова кисти художника Павла Корина. И если бы в детстве он так не боялся разбить любимый сервиз математических светил Перельмана и Асатиани.

Случилось то, что случилось: в проклятую благословенную пятницу она не ушла раньше, а Он не пришел позже, чем было нужно. Она не закрылась ровно без пяти десять, как это обычно и бывало, – а все из-за загапризничавшего кассового аппарата. Лена провозилась с ним чуть дольше, чем нужно, вымазав пальцы в чернилах. «Дольше» укладывалось в минуту с четвертью, но темноволосому ангелу хватило и этого смешного временного промежутка. Ангел спустился на землю, заложил крылья за спину и рассеянно взглянул на ассортимент. Она заметила Его первой. Ему было все равно, что покупать, Лена сразу это поняла. Ему не были важны ни упаковка, ни цена, Его не смущало даже сомнительное ларечное качество.

– Туалетная вода для любимой девушки? – безнадежно спросила Лена. – Может быть, духи? Есть пробники... Очень качественные.

Пробники были отнюдь не качественные, а у Него наверняка есть девушка. Само совершенство, влюбленная кошка с прохладными губами; ухоженная журналисточка или дизайнер по интерьерам. Вместе они не живут, это убивает страсть. По этой же причине в ухоженном доме ухоженной журналисточки нет Его комнатных тапок (комнатные тапки и страсть несовместимы). Но есть зубная щетка, бритва и гель после бритья. В ухоженном доме ухоженной журналисточки они ходят босиком по полам с подогревом и занимаются любовью на черных простынях. Иногда они торопливо и без всякого удовольствия изменяют друг другу – только для того, чтобы лишний раз убедиться: «Ты единственная, любовь моя», «Ты единственный, любовь моя»...

Именно об этом и перешептываются их сплетенные тела на черных простынях:

«Ты единственная, любовь моя!»

«Ты единственный, любовь моя!»...

– ...Знаете, духи мне ни к чему...

Он никогда не станет покупать духи для своей ухоженной журналисточки в первом попавшемся ларьке у метро, какая же ты дура, боже мой! Журналисточка сама выберет их в фирменном магазине, а Он только оплатит сумасшедше дорогой подарок, поцеловав ее ложбинку на затылке: «Ты единственная, любовь моя!»...

– Мне нужно что-нибудь для приятеля.

– Одеколон? Может быть, набор с лосьоном и гелем?

– Наплевать, что именно, он все равно никогда ими не воспользуется... Чем глупее и дороже, тем лучше...

У Него были глаза бога, разжалованного в ефрейторы за нарушение устава караульной службы; глаза мальчика, только что похоронившего жука-носорога; глаза змеи из заброшенного азиатского храма – тягуче-ленивые, немигающие... Их укус смертелен, а противоядия не существует.

Лены Шалимовой, торгашки из ларька, для Него – готового согрешить со всем миром – тоже не существует. Таково положение вещей, и изменить это положение невозможно.

...Он смел первый же предложенный ею запах. Запах стоил почти две тысячи – глупее и дороже не придумаешь. Лена не помнила, как выбила чек, зато хорошо запомнила, как Он сунул упаковку с одеколоном в карман жилетки. Упаковку с одиноким чернильным отпечатком (о, ужас!) ее большого пальца. И сразу же забыл о купленном одеколоне.

– У меня нет любимой девушки, – сказал Он.

И Лена засмеялась – от жалости ко всем неучтенным ухоженным журналисточкам, дизайнерам, а также к моделям и модельерам, портье и сомелье, студенткам и аспиранткам, актрисам, певицам, домохозяйкам и приходящим няням. Всем тем, кому Он мог прошептать, вытянувшись на черных простынях: «Ты единственная, любовь моя!...»

Мог – и не прошептал.

– У меня нет любимой девушки. Хотите быть моей любимой девушкой?

– Хочу, – сказала Лена.

– Когда вы заканчиваете работу?

– Уже закончила.

– Очень хорошо. Я приглашен на одну вечеринку. Хотите, пойдем вместе?

– Хочу, – сказала Лена. – Но мне нужно десять минут, чтобы снять кассу...

– Я подожду...

Он не шутил. И его глаза – тягуче-ленивые, немигающие – не шутили. Он готов был согрешить со всем миром, но **хотел** – с ней, Леной Шалимовой, торгашкой из ларька. Лена твердо знала, что так не бывает. И твердо знала, что бывает именно так. И ей было совершенно наплевать, что случится завтра, потому что завтра она будет думать о том, что случилось вчера.

Она будет думать об этом очень долго.

Ни в какие десять минут она не уложилась: из-за тягуче-ленивых глаз, свернувшихся клубком в ожидании. Цифры путались и сбивались, рубли прикидывались копейками, копейки – рублями, к тому же где-то затерялись «Turbulence» (по восемьсот) и задиристый подростковый «Jeans Boys» (по триста двадцать).

Он заглянул в ларек, когда Лена, отчаявшись, решила задекорировать неуловимый «Турбуленс» под два проданных еще вчера крема от морщин.

– Вот что... У меня сейчас нет времени. Вот, возьмите... И позвоните обязательно. Завтра. А лучше сегодня – вечером, ночью, когда хотите... Только обязательно, слышите!.. Обещаете мне?

– Да, конечно...

Он был явно чем-то взволнован. Нехорошо взволнован. Как будто за эти десять минут ожидания случилось что-то непоправимое. А может, за последнюю минуту. Или за последнее мгновение. Непоправимому вполне хватает мгновения.

Лена тотчас же дала себе слово не высказывать за ним как оглашенная. И все равно выскочила. Это был жест отчаяния – Он растворился в толпе, исчез, уполз в свой заброшенный азиатский храм. Он оставил Лене лишь визитку с восхитительно красивым созвучием имени и фамилии. Лена знала эту фамилию – темно-синюю, непрозрачную, фамилию из высокого флакона духов покойной Виктории Леопольдовны.

* * *

...Никогда, никогда еще чутье не подводило Бычье Сердце.

Простак Гурий, способный расследовать разве что дела о кражах носовых платков и детских лопаток из песочницы, выдвинул версию об ограблении и угоне дорожной иномарки. Девяносто девять тысяч долларов и сам «Лексус» того стоили. В обширной практике Бычьего

Сердца бывали случаи, когда людей укокошивали и за гораздо менее значительную сумму. За триста рублей в кошельке и килограмм полтавской полукопченой. За финскую кожаную куртку, оказавшуюся впоследствии голимым китайским коззамом. За бутылку водки. И просто – за красивые глаза.

О, как Бычье Сердце хотел бы поверить в немудреную версию об ограблении! Искренне и безоглядно – как в существование Бога (душу мать!), как в существование летающих тарелок, снежного человека и лох-несского чудовища. Но вера, как это обычно и случается, быстро увяла под грузом бесстрастных фактов.

Никто даже и не помышлял угонять пресловутый «Лексус».

Более того, новехонький, сверкающий хромированными подкрылками джип радостно встретил Антоху на подворье «Лиллаби». Именно сюда Бычье Сердце и отправился на следующий день после обнаружения трупа – для близкого знакомства с жизнью и окружением Ромы-балеруна.

Общая картина преступления к тому времени более или менее прояснилась. Вернее, запуталась окончательно. Роман Валеvский был застрелен из довольно экзотического для России пистолета «гибли». Впрочем, экзотическим он оказался не только для России. Небольшая экспериментальная партия «гибли» была выпущена в одной из сеvероафриканских стран. Широкого применения «гибли» не нашел – по причине нерентабельности и дороговизны производства. Об этом Бычьеv Сердцу поведал эксперт-баллистик Васечкин, а Васечкину Бычье Сердце доверял. Васечкин был оружейным богом, Васечкин был ходячей энциклопедией, Васечкин был самым настоящим фанатом стволов. По собственному признанию Васечкина, хороший «винчестер» мог вызвать у него эрекцию. А если уж ему в руки попадала какая-нибудь фигуристая и ладно скроенная «беретта» – все, пиши пропало. Васечкин сох, томился и угорал от любви. Из-за одной из таких легкомысленных залетных «беретт» эксперт-баллистик едва не вылетел с работы. До того, как Васечкин положил на нее глаз, «беретта» в паре с глушаком успела хлопнуть троих, включая известного преступного авторитета по кличке Росомаха. Как вещдоку ей не было равных, и Васечкин не устоял. Он спер пистолет из сейфа следователя Дейнеки, бывшего над делом Росомахи. Исчезновение главного вещественного доказательства всплыло в тот же день, эстет-балетоман Дейнека глотал валидол, а потом и вовсе слег с диагнозом «тахикардия». Это несколько охладило пыл Васечкина, «тихие дни в Клиши»² закончились, не успев начаться, и «беретта» была водворена на место.

Неизвестно, как бы повел себя Васечкин, если бы в распоряжении следствия оказалось орудие преступления. Но «гибли» (если это действительно «гибли») найден не был, и баллистику пришлось довольствоваться стреляной гильзой и пулей, извлеченной из черепа Романа Валеvского.

– Что это еще за «гибли»? Никогда о таком не слышал. – Бычье Сердце жаждал комментариев к пуле и гильзе.

– Ты и собор Парижской Богоматери в глаза не видел. Но это не значит, что его не существует, – парировал Васечкин. – А в общем, будем считать, что тебе повезло. Редкое оружие. Я бы сказал, эксклюзивное. Вот, посмотри. – Васечкин вооружился лупой. – Пуля и гильза идентичны, тут вопросов нет. Различаешь арабскую вязь на гильзе? Вот здесь...

– Смутно.

– Разуй глаза! – прикрикнул на Бычье Сердце Васечкин. – Здесь выгравировано «хамсин», или по-другому – «шамсин». Означает «пятьдесят».

– Ну и?..

² Роман Генри Миллера.

– Отличительная особенность боеприпасов к «гибли». Ни к одному другому пистолету они не подойдут, хитрая арабская штучка. То есть, конечно, умелец под любой патрон ствол приспособит. У нас таких Кулибиных завались... Но стреляли именно из «гибли».

– Думаешь?

– Я же эксперт, – оскорбился Васечкин. – Я не думаю, я вижу. Гильза целехонькая, никаких следов деформации, следовательно, патрон выпущен из родного ствола. Впервые такую красоту вижу... Умеют, умеют арабы стильные вещицы клепать!

Васечкин с видом заправского энтомолога подцепил гильзу пинцетом и поднес к лицу.

– Сам ствол не нашли? – как бы между прочим спросил он.

Беспечный тон баллистика мог ввести в заблуждение кого угодно, но только не Бычье Сердце. Уж он-то хорошо знал, что означают раздутые ноздри и подернутые поволокой глаза Васечкина. Сумасшедший эксперт вступил в полосу короткого, а потому особенно обжигающего флирта. Для того, чтобы влюбиться в женщину, хватает иногда отпечатка ее ступни на мокром песке и едва уловимого запаха духов. В случае с Васечкиным достаточно было пули и гильзы.

– Нет. Ствол пока не нашли, – сокрушенно замотал головой Бычье Сердце.

– Жаль. Ищите оружие. Найдете его – найдете убийцу.

– Ты оптимист.

– Я эксперт. И как эксперт могу сказать, что «гибли» в мире – единицы. У нас – вообще по нулям, даже у коллекционеров нет. Иногда они всплывают во Франции, реже – в Испании...

– Почему во Франции?

– А Франция рядом, через море. Сколько у тебя в школе по географии было?

Географическую шпильку Бычье Сердце пропустил мимо ушей, куда больше его заинтересовал тезис насчет уникальности орудия преступления. Если Васечкин прав, то «гибли» может оказать следствию неоценимую услугу. Но для этого нужно проклятый ствол как минимум найти. Что, если убийца выбросил его в Залив – не станешь же нанимать бригаду водолазов для прочесывания дна! Что, если убийца зарыл его в песке – не станешь же нанимать бригаду дворников для уборки территории! Конечно же, его собственная бригада сделала, что могла, но обшарить весь Северо-Запад ей не под силу.

– А если преступник от него избавился?

– От кого? – не понял Васечкин.

– От этого твоего «гибли». Закопал где-нибудь или в Заливе утопил... – начал было Бычье Сердце и тут же понял, что хватил лишку.

Васечкин смертельно побледнел, потом покраснел, потом налился фиолетовым, потом пошел пятнами, потом – мелкой рябью.

– Чур тебя! – выдохнул он. – Избавиться от такой вещи! Это все равно что... все равно что родную мать сдать в богадельню! Это все равно что любимую жену подложить под банду исламских экстремистов! Ты только посмотри на него, посмотри!

Все еще мелко трясясь, Васечкин вытащил из ящика стола огромный талмуд и швырнул его Бычье Сердцу. О талмуде Петра Васечкина, скромно озаглавленном «**ВООРУЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**», в управлении ходили легенды. Здесь было собрано все, что касалось огнестрельного оружия. Любого. Когда-либо существовавшего, прекратившего свое существование и успешно эксплуатируемого. Здесь были фотографии, рисунки, схемы и диаграммы. Здесь были краткие характеристики каждой марки, леденящие душу примеры из следственной практики и даже тематические вирши. Вирши рожал в муках сам Васечкин – в период увлечения очередной модификацией «хэмптона» или обожаемой «беретты». Выглядели они примерно так:

Моя любовь, твой оклик журавлиный

Манит меня в неведомую даль.
«Берегта», детка, мы навек едины,
Приди ко мне, бестрепетная сталь!

Каждая зарифмованная Васечкиным строка требовала оперативного вмешательства психиатра, остальная же начинка талмуда была вполне здоровой. Да и сам талмуд тянул на увесистый энциклопедический том.

– Открывай! – скомандовал Васечкин. – Страница шестьсот девятнадцать.

Со страницы шестьсот девятнадцать на Бычье Сердце глянул-таки виновник смерти Романа Валевского. Фотография была не очень качественной, копия копии, но кое-что разглядеть удалось. Это «кое-что» не произвело на Антоху никакого впечатления: пистолет и пистолет, разве что дуло чуть укорочено и рукоятка украшена резным орнаментом: то ли буквы, то ли цветы. Но в общем «гибли» нельзя было отказать в изяществе. Одутловатом, крепко сбитом – и все же изяществе.

– «Приблизился час, и раскололся месяц», – нараспев произнес Васечкин.

– Ты полагаешь?

– Это изречение из Корана. Нанесено на рукоятку. А ты говоришь – избавиться! Только идиот захочет расстаться с подобной вещью. Ты посмотри, какие линии!.. Это же шепот песков, брачный рев верблюда... Это просто танец живота, честное слово!.. Приблизился час, и раскололся месяц...

Если Васечкина не остановить, он до выдачи зарплаты будет завывать суры из Корана. Или вообще примет ислам.

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! – взмолился Бычье Сердце. – Что еще нам нашептали пески баллистической экспертизы?

С трудом выйдя из роли муэдзина, Васечкин перешел на суконный язык управления:

– Стреляли метров с полутора...

– Метров с полутора?

– Стреляли с полутора метров, – тут же поправился Васечкин и разложил перед Бычьим Сердцем схему. – Убийца стоял вот здесь. Ближе к корме.

Так и есть. Валевский сидел у подножия мачты, а неизвестный убийца находился ближе к корме. Экспертизой установлено, что на борт «Такарабунэ» труп не втаскивали, следовательно, Валевский поднялся туда сам. Поднялся и... Что делал Валевский на старой, запертой в эллинге яхте? Как долго там пробыл? И главное – с кем? На месте преступления было найдено четыре окурка – от почти невесомых женских «Вог» с ментолом. Еще столько же – внизу, в каюте. Плюс пустая пачка из-под все того же «Вога». Но между четырьмя окурками с палубы и четырьмя из каюты была существенная разница: те, из каюты, курили задолго до убийства – они уже успели окаменеть и покрыться серым налетом. Их палубные собратья были румянянькими и молоденькими, во всяком случае, никак не старше убийства Валевского.

В каюте, кроме окурков, оперативники обнаружили с десяток запыленных бутылок из-под украинского пива «Оболонь» (в экспортном варианте – с кучей медалей на этикетке), такой же запыленный вымпел регаты «Катти Сарк» и несколько журналов, датированных июлем прошлого года. К июлю прошлого года скорее всего относились и бутылки, и окурки. Свежих следов не было, и вывод напрашивался сам собой: ни Роман Валевский, ни его убийца в каюту не спускались. А беседу имели на палубе. Именно – беседу (для того, чтобы по-мужски, до самого фильтра выкурить четыре женские сигареты, требуется время. Пусть непродолжительное, но требуется). О том, что имел место вполне цивилизованный разговор, а не банальное мочиловое, косвенно свидетельствовало положение трупа. Никаких следов борьбы, никакого личного контакта убийцы и жертвы; ни один волосок не упал, ни одна нитка не была выдернута, ни одна пуговица не покинула насиженное место. Валевский не сполз по мачте, сражен-

ный пулей, он **изначально сидел** у мачты. Он изначально пристроился возле нее, – как раз для беседы с хорошо знакомым человеком. Нестрашным человеком. Человеком, от которого трудно ожидать подвоха. А тем более такого свинства, как пуля с арабской вязью. Но пуля все-таки была выпущена, и Рома-балерун так и остался сидеть. В «прижизненной позе», как выразился Петр Васечкин.

А убийца даже не соизволил подобрать окурки. Вполне профессионально выстрелил в голову и не удосужился унести с собой редкую гильзу от редкого пистолета. Хотя времени было предостаточно. Пижонство, да и только, мать его ети!..

Бычье Сердце ненавидел пижонов и был убежден, что сходные чувства питает к ним и Господь Бог вкупе с изменчивой фортуной. Но в случае Ромы-балеруна фортуна явно благоволила пижону: никаких следов, кроме злополучных окурков и гильзы, он не оставил. То есть следы наверняка были, но оказались затоптанными чумовыми свидетелями, обнаружившими труп. Свидетелей было трое: два желторотых, почти невесомых птенца одиннадцати лет и чрезвычайно деятельный, вездесущий, как холерная палочка, алконавт по фамилии Печенкин.

К фамилиям Бычье Сердце относился с опаской. А все потому, что испытал их мистическое влияние на своей шкуре. Будучи Бычковым, Антоха не снял ни одной приличной дамочки, не раскрыл ни одного приличного дела. К тому же вся водка, которую Антон Бычков покупал в ларьках, оказывалась паленой. Но стоило ему стать Сиверсом, как приличные дамочки сами попрыгали к Антохе в постель, а роскошная и потому непотопляемая воровка на доверии Эмма Войцеховская предложила ему статус любовника. Предложение поступило в момент задержания, что придало известную пикантность тому и другому. Точно так же Сиверсу поперло и с делами: раскрываемость в отделе резко пошла вверх, да и признательные показания посыпались как из рога изобилия. Что же касается водки...

Чтобы не испытывать судьбу, Бычье Сердце переключился на пиво.

И вот теперь, пожалуйста, Печенкин!

Нет, против самой фамилии Бычье Сердце ничего не имел. Фамилия как фамилия, она могла бы принадлежать и космонавту, и заслуженному работнику искусств, и даже президенту (хотя нет, на президенте Печенкине в развитой капитализм не въедешь)...

Но фамилия принадлежала тому, кому принадлежала, – алкашу со стажем. Внешность у алкаша Василия Васильевича была запоминающейся – эдакая помесь утконоса и гиены, тупиковая ветвь развития вида. Печенкин взирал на происходящее блудливым взором трупоеда и требовал, чтобы в протоколе имя его сына, Виталия Васильевича Печенкина, было подчеркнуто красным. Дважды. Волнистой линией. Он, Виталий Васильевич, и обнаружил «трупика», ура ему и да здравствует! Сам Печенкин клялся и божился, что к телу не подходил, а только взглянул «одним глазком и мигом к участковому».

Помесь утконоса и гиены вызывала у Бычье Сердца самые низменные чувства. Если бы они беседовали тет-а-тет, Бычье Сердце не отказал бы себе в удовольствии съездить пару раз по студенистой физиономии Печенкина. Слегка. Не доводя дело до жалобы вышестоящему начальству. Или нет, такого типа, как Печенкин, можно и по почкам. По почкам, почечкам, почулям! Печенкина – по почкам, это почти каламбур. Бить по почкам – последнее дело, подлость из подлостей, куда подлее простодушного тычка в челюсть (на этих тычках нетерпеливый хулиганистый Сиверс и погорал). Но в случае с Печенкиным – можно и отступить от кодекса, которого придерживался Бычье Сердце. Не исключено, что, придя в себя после акции устрашения, Печенкин поведает майору Сиверсу вещи, о которых умалчивал. Или быстренько выложит на стол уже другие вещи, которые утаил.

Но руки у Бычье Сердца были коротки. Во всяком случае – сейчас. Ему оставалось только гонять желваки и призывать к бдительности следователя Дейнеку:

– Поднажми на алкаша, Мишаня. Поднажми на алкаша!

– В каком смысле?

– Ты посмотри на его физиономию! С такой физиономией только склепы взламывать да в церкви карманы обчищать! К терпиле он тоже подкатывался, зуб даю.

– Думаешь?

– Не исключено.

Дейнека, воспитанный в лучших традициях целомудренного классического балета, посмотрел на Бычье Сердце с укоризной.

– Хочешь, я поднажму? – предложил свои услуги Бычье Сердце.

– На тебя двенадцать жалоб, – напомнил Дейнека. Он проработал с Сиверсом не один год и прекрасно знал все повадки отвязного майора.

– Будет тринадцатая. Чертова дюжина. – Бычье Сердце оптимистически хохотнул.

Алкашу несказанно повезло: кроткий Дейнека жать на него не стал, напротив, был подчеркнуто вежлив. Не от хорошей жизни вежлив: следов преступника обнаружить не удалось, а все снятые отпечатки принадлежали четверем людям: Василию Васильевичу Печенкину, двум мальчишкам-желторотикам и самому Роману Валевскому. Но в основном – Печенкину.

– ...ты меня не слушаешь. – Обиженный голос Васечкина вернул Бычье Сердце к действительности.

– Да нет, Петя, я все внимательно выслушал. Отчет забираю с собой, если ты не возражаешь. Будем искать твой «гибли».

– Когда найдешь – свистни, – влюбленно прошептал Васечкин.

...В четырнадцать ноль-ноль у Бычье Сердца была забита стрелка с владелицей недвижимости в лодочном кооперативе «Селена» – Калиствинией Антоновной Антропшиной. Она только сегодня вернулась из Таллина, где гостила у сестры. Побеседовать в управлении, а тем более – в таунхаузе с видом на убийство Антропшина отказалась наотрез, но согласилась принять майора Сиверса у себя, на городской квартире. Чтобы найти указанный дом, Бычье Сердцу пришлось попотеть: строптивая Калиствиния проживала у Сенной, в самом чреве Питера, описанном еще Достоевским. Порядком поплутав проходняками, Бычье Сердце вышел-таки на исходную позицию: к обшарпанной шестиэтажной трущобе, лишь по недоразумению именуемой жилым строением. Как можно совместить такую дыру с таунхаузом на берегу Залива, Бычье Сердце не знал.

Ну, ничего, гражданка Антропшина все быстренько и, не сбиваясь на визг, прояснит.

...Гражданка Антропшина занимала квартиру в некогда престижном бельэтаже с двумя некогда изящными, а ныне обветшавшими эркерами. Но стоило только Бычье Сердцу переступить порог антропшинской квартиры, как челюсть у него упала и категорически отказалась возвращаться на место.

Какой там таунхауз на берегу Залива! Злополучный таунхауз не стоил и десятой доли того, что (по разумению Бычье Сердца) стоила начинка квартиры. Для начала его оглоушили две напольные китайские вазы – каждая размером с мартышкинских изыскателей: Виталия Печенкина и его друга. Вазы томно поблескивали в полутьме коридора, и свету, струившемуся от них, было веков десять, никак не меньше. Это понял даже профан Сиверс, не имеющий никакого понятия о прикладном искусстве Юго-Восточной Азии. С вазами прекрасно гармонировали затянутые шелком стены. На шелке были разбросаны птицы и цветы. Невиданные птицы и невиданные цветы. Судя по возрасту, птицы принимали самое деятельное участие в изобретении пороха, а цветы были свидетелями изобретения бумаги. С потолка свешивалась парочка штандартов, украшенных лентами. Штандарты были явно моложе шелка на стенах, но значительно старше Бычье Сердца – столетий эдак на пять. Композицию завершала вереница бумажных фонариков.

Бычье Сердце, вечно путавший Японию и Китай, несколько бы не удивился, если бы его встретил отряд самураев в полном вооружении. Но его встретила кругленькая дама лет шестидесяти. И на ней не было даже кимоно. Простенькая учительская блузка и такая же незатейли-

вая юбка – вот и вся униформа смотрительницы музея. Охрана тоже была музейной (во всяком случае, так показалось Бычьему Сердцу) – три врезных замка на входной двери, цепочка, щеколда и сигнализация. Не хватало только лазера, видеокамер и сенсорных датчиков.

Дама сквозь зубы пригласила Бычье Сердце на кухню – очевидно, чтобы не добывать сдержанной роскошью окончательно. Но в приоткрытую дверь комнаты Бычье Сердце заметил целый алтарь раскосых божков и богинь, коллекцию музыкальных инструментов, больше похожих на разрезанные плоды экзотических растений. И несколько ширм с пейзажами и жанровыми сценками.

На кухне Бычье Сердце наконец-то перевел дух, а усевшись на простенький совдеповский стул, и вовсе повеселел.

– Антропшина Калистиния Антоновна? – бодро начал он.

– Нет. Маргарет Тэтчер, – едко заметила дама, намекая на бессмысленность вопроса.

Бычье Сердце втянул ноздрями воздух и хмыкнул.

– Ну, а я – майор Сиверс, Антон Александрович. Со мной вы уже знакомы. Заочно.

– Лучше бы мы им и ограничились. Заочным знакомством.

– Я понимаю, – начал Бычье Сердце, но дама самым беспардонным образом перебила его:

– Нет. Вы не понимаете. Я не люблю ваше ведомство.

Калистиния Антоновна послала Сиверсу взгляд, исполненный усталой брезгливости. Но не таков был Бычье Сердце, чтобы принимать близко к сердцу недовольство населения органами правопорядка.

– Приступим к делу. Вы уже знаете, что в вашем... м-м... загородном доме найдено тело молодого человека. Фамилия Валевский ничего вам не говорит?

– Ничего, если вы не имеете в виду любовницу Наполеона.

Решили поиздеваться над работником милиции, Калистиния Антоновна? Ну что ж, хорошо. – Бычье Сердце вынул из кармана пиджака пачку фотографий и жестом заправской гадалки раскинул их перед дамой.

– Это он? – осторожно спросила Калистиния Антоновна, мельком взглянув на снимки.

– Покойный, – подтвердил Сиверс. – Валевский Роман Георгиевич. Никогда его не видели и никогда с ним не встречались?

– Никогда.

– Между прочим, довольно известный... деятель искусств. Танцовщик. Хореограф.

– Я далека от хореографии, – сказала Антропшина, поправляя жабо на пышной груди.

Да уж!.. Без толку потоптавшись на трупе еще три минуты, Бычье Сердце решил зайти с другого конца:

– Вы получили место в кооперативе в восемьдесят пятом году?

– Мой покойный муж получил его. Он был секретарем Союза писателей. Поэт Цезарь Антропшин, может быть, слышали?

– Как же! – не моргнув глазом соврал Бычье Сердце. – Не только слышал, но и читал. Замечательный был поэт!

– Ну, поэт он, положим, был никакой, – остудила пыл Сиверса Калистиния Антоновна. – Зато человек отменный.

– Приношу свои соболезнования...

– Бросьте. Цезарь Львович действительно получил место в лодочном кооперативе «Селена». Для нашего сына. Вадим и жил там в последние годы. Он яхтсмен. Хороший яхтсмен.

Ну-у, пошли дела кое-как! Во всяком случае, личность яхты «Такарабунэ» прояснилась. Она наверняка принадлежит Вадиму Антропшину. Да и секция в таунхаузе, скорее всего, тоже. Вот только оформлена она почему-то на мать...

– А я могу поговорить с вашим сыном, Калистиния Антоновна?

Антропшина снова поправила жабо:

– Я знаю всех без исключения приятелей Вадима. Всех его друзей. Это очень специфический круг – спортсмены, моряки... Боюсь, что хореографа Романа Валевского среди них нет.

– И все же я хотел бы побеседовать с Вадимом.

– Это невозможно, – вцепившись пальцами в край стола, тихо сказала Антропшина. – Вадим погиб год назад. В Финском заливе, во время парусной регаты «Балтийский ветер». Вот так-то, молодой человек.

Калиствиния Антоновна надолго замолчала. Молчал и Бычье Сердце: пошлое «приношу свои соболезнования» от назойливого опера Антропшиной ни к чему. Муж – это муж, а сын – это сын. Родная кровь, травиночка, былиночка, мальчик любимый, нежный, сильный... Дурак ты, Антон Сиверс, отправился к вдове поэта, ничего о ней не выяснив, – вот и поделим тебе!.. Подобные ситуации Бычье Сердце терпеть не мог, в подобных ситуациях он чувствовал себя разрушителем храма, осквернителем могил, кладбищенским вором без креста.

Впрочем, вина майора Сиверса была не так уж велика: он получил на руки лишь официальные сведения, а запойный сторож кооператива никаких вразумительных показаний не дал. Он вообще утверждал, что в «Селене» бывают две-три персоны от силы. Да и постоянно пьющему человеку все люди кажутся на одно лицо – лицо с водочной этикетки «Столбовая».

– По документам дом принадлежит вам, – выдоил из себя Бычье Сердце после затянувшейся театральной паузы.

– После смерти мужа – мне. Я столько раз просила Вадима их переоформить... Он только отмахивался – терпеть не мог бумажной волокиты... Так ничего и не сделал. А я и была там всего несколько раз. В последний перевезла его вещи. Мебель кое-какую. Так, по мелочи... Он настоящий спартанец, обходился малым.

Так вот чем объяснялась гулкая пустота двухэтажной надстройки над эллингом! В четырех комнатах оперативники нашли лишь стол, два стула и старенький диван. Вещи бросовые и никому не интересные. А уж тем более Сиверсу с Дейнекой: наверх ни Валевский, ни его убийца не поднимались. Зато там побывал неугомонный Василий Васильевич Печенкин. Но вытащить стол и диван, по-видимому, не решился. А возможность (если учесть, что эллинг стоял открытым) была. Была возможность!

– Ключи от дома у вас?

– Одна пара у меня.

– А другая? – оживился Бычье Сердце.

– Другая у Сережи Кулахметова. Это друг Вадима, тоже яхтсмен. Он постоянно живет в «Селене», в соседнем блоке.

Бычье Сердце живо припомнил центральную часть дома, поделенного на три секции. Только одна – центральная – выглядела относительно жилой. Фамилию Кулахметов Сиверс тоже встречал – в домовых книгах «Селены».

– Судя по всему, вы поддерживаете с ним отношения?

– Он был близким другом Вадима, – отрезала Калиствиния Антоновна. – Так что отношения мы поддерживаем. Естественно, когда Сережа бывает в Питере.

– Бывает в Питере?

– Он спортсмен, мастер спорта международного класса. Часто ездит на соревнования. Он и сейчас за границей. В Марселе, на гонках. Уехал десять дней назад. – Поразительная осведомленность! – Сережа звонил мне перед отъездом. Он меня не забывает, – с плохо скрытой гордостью произнесла Антропшина.

Плохо скрытой и вполне понятной гордостью: видишь, ментяра Сиверс, какие у моего сына настоящие друзья! Видишь, ментяра Сиверс, каким настоящим был мой сын! Его нет, а свет, идущий от него, остался.

– Я вот еще что хотел спросить, Калиствиния Антоновна. – Бычье Сердце оценил значительность момента и почтительно нагнул голову. – Яхта в эллинге...

– Это яхта моего сына. Он сам ее построил. Я не хотела ее продавать, хотя Сережа и говорил мне... Может быть, и стоило продать ее до того, как... – Антропшина осеклась.

«До того, как детище сына было осквернено случайным убийством случайного хореографа. Как будто другого места не нашлось», – мысленно закончил Бычье Сердце.

– А что за странное название – «Такарабунэ»? – На то, чтобы выучить этот бессмысленный набор звуков и произносить его без запинки, Бычье Сердце ухлопал два с половиной часа. И теперь имел полное право поинтересоваться.

– Такарабунэ в переводе с японского – «корабль сокровищ». Его команда состоит из сифифукудзин... – Калиствиния Антоновна с сомнением посмотрела на низкий, как у питекантропа, лоб Сиверса. – А впрочем, не буду утомлять вас подробностями...

– Отчего же. Мне интересно, – промямлил Бычье Сердце с обидой в голосе.

Но Антропшина была непреклонна.

– Не думаю, что это относится к делу, которое вы расследуете. Вадим увлекался Японией, это у него от деда. Моего отца. Он был очень известным востоковедом, крупнейшим специалистом по истории Японии и Китая. Двадцать лет прожил в Харбине, работал в нашем торгпредстве в Токио...

И неплохо работал, судя по всему! Вон сколько антикварного барахла нахапал!

– Коллекция, которую я храню, принадлежит ему.

«А надо, чтобы народу», – с неожиданной злостью подумал Бычье Сердце.

– После моей смерти она перейдет музею этнографии. – Антропшина, похоже, прочла немудреные мыслишки Бычьего Сердца. – Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы, молодой человек?

– Почти.

– Что-то еще?

– Скажите, ваш сын курил?

– Нет. Он вел здоровый образ жизни. Он был спортсменом, я уже вам говорила. А почему вы спрашиваете?

– Видите ли, в каюте яхты мы нашли пачку из-под сигарет «Вог». Тоненькие такие, женские.

– Я знаю, – неожиданно резко перебила Сиверса Калиствиния Антоновна. – Не нужно мне объяснять. Такие сигареты курила его... приятельница. – По тому, как было произнесено это слово, Бычье Сердце сразу понял: отношения Антропшиной и «приятельницы» Вадима катастрофически не сложились. По одной простой причине – ночная кукушка дневную перекукует. – Да. Его приятельница, – с нажимом повторила Антропшина.

Господи ты боже мой, каких только смыслов не вложила она в простенькое словцо! Вернее, смысл был один: «Бикса, шалашовка, развратная девка; потаскуха со Староневского; охотница до чужого добра; паразитка, которой лишь бы глаза залить да голой на столах краковяк отплясывать; пол-Питера оприходовала с грудью наперевес, а то и пол-России, а то и пол-Европы, тьфу, тьфу, изыди, сатана!!!»

– Приятельница? – прикинулся простачком Бычье Сердце. – Близкая подруга?

– Не знаю, насколько близкая, – скрипнула зубами Калиствиния Антоновна. – Я ее пару раз видела, не больше.

Но этого хватило, чтобы запомнить сигареты «Вог». Ничего удивительного, при такой клинической неприязни не то что сигареты запомнишь, но и стрелку на чулке. И потом это «Я ее пару раз видела, не больше»... Уж не в постели ли с сыном ты их застучала? С хитрыми приспособлениями из ближайшего секс-шопа?

– И как зовут приятельницу? Хотелось бы с ней побеседовать.

- Не помню, – поспешно солгала Антропшина. – То ли Фифа, то ли Эфа, то ли Афа...
- Афа? – Бычье Сердце был поражен. – Что за имя диковинное?
- Какое есть. За что купила, за то и продаю.
- А координаты у вас имеются?
- Нет.
- А у друга вашего сына? Сергея Кулахметова?
- Не знаю. Не думаю.

Судя по едва заметной одобрительной улыбке Калиствинии Антоновны, близкий друг семьи Антропшиных Сергей Кулахметов в порочащих связях замечен не был. А если и позволял себе расслабиться, то только со стерильными и богопослушными прихожанками баптистского молебельного дома.

– Ну что ж, Калиствиния Антоновна, – Бычье Сердце поднялся со стула, – спасибо за информацию. И извините за беспокойство. Если возникнут какие-нибудь вопросы, я с вами свяжусь.

– Надеюсь, что не возникнут, – вполне искренне ответила Антропшина.

Чаем, на который по привычке надеялся Бычье Сердце, она его так и не напоила.

* * *

...Это был тот самый джип.

Черный «Лексус» 2000 года выпуска, номерной знак А028ОА.

Джип шурился на солнце и был единственным, кто не проявлял признаков беспокойства: островок стабильности в волнуемом море «Лиллаби». Для того, чтобы понять это, Бычьему Сердцу понадобилось пятнадцать минут. Пятнадцать минут он отирался у «Лексуса». И наблюдал за происходящим в садике у особняка, который занимало сейчас проамериканское гнездо современного балета.

Садик с десятком вычурных чугунных скамеек кишел народом. Народом специфическим и редко встречавшимся в мясницкой карьере Бычьего Сердца. Юноши, похожие на девушек, и девушки, похожие на птиц. На диких птиц. Или на ручных хорьков. Или на бесплотные, висащие на плечиках платья. У Бычьего Сердца рябило в глазах от серебра, воткнутого в уши, пальцы, носы и брови. У Бычьего Сердца чесалось в носу от духов и туалетной воды, растекшихся по запястьям, подмышкам и ключицам. У Бычьего Сердца сосало под ложечкой от тонких упругих балетных рук: сплетающихся, расплетающихся, обвивающих другие руки.

Не его, Сиверса, кое-как на глазок приспособленные к плечам грабли, – **другие**.

Они вообще были другими, все эти балетные мальчики и девочки. Не мальчики и не девочки, коню понятно, но все равно, предательски юные. Похабно стройные. Издевательски совершенные. В ярких немислимых лосинах, небрежных платках, забавных гетрах. Конечно, у балетных была и другая одежка, нерабочая – всякие там гуччи-шмуччи, кардены-мардены, версачи-фигачи... Бычье Сердце тихо вздохнул и посмотрел на себя глазами балетных: замызанная потная футболка, мятый пиджачишко и подстреленные джинсы никому не известной турецкой артели «Конс». Все это тряпье было куплено на Апрашке³ с единственной целью – прикрыть кусок нездорового ноздреватого мяса по имени Антон Сиверс.

«Надо заниматься физкультурой. А лучше – акупунктурой. А лучше йогой, – подумал Бычье Сердце и принялся яростно чесать брюхо. – А лучше ничем не заниматься, а потрясти как следует всех этих балетных аскарид. Не ущучу, так хоть развлекусь».

...Развлекаться Бычье Сердце начал с кабинета директора «Лиллаби» Максима Векслера.

³ Центральный вещевой рынок Санкт-Петербурга.

Максим Векслер оказался обладателем двойного подбородка и рыхловатой фигуры, что несколько утешило Бычье Сердце. Векслер отнесся к Антохе как к родному, усадил в кресло и даже предложил хряпнуть коньячку.

– Я на службе, – мягко запротестовал Бычье Сердце.

– Да-да, конечно, извините, ради бога, – сразу опомнился Векслер. – Просто голова кругом со всеми этими событиями. Рома, Рома... Уму непостижимо! У вас уже есть версии?

– А у вас?

Векслер посмотрел на Бычье Сердце с испугом.

– Что вы! Какие версии! Для меня это как гром с ясного неба. Что же теперь делать-то?

– В каком смысле? – осторожно поинтересовался Бычье Сердце.

– Вы понимаете... Наш проект «Русский Бродвей»... Он затевался под Валиевского. И деньги давали под Валиевского. В Америке его обожают. Да и в Европе тоже. Это же темперамент Барышников и нежность Нуриева! Новый русский гений танца!

Новый русский – это точно, судя по тачке.

– Рома, Рома! – продолжал заламывать руки Векслер. – Просто в голове не укладывается! Милейший человек, все его любили... Да что там любили – боготворили! Что же теперь будет со всеми нами?!

– А что будет? Ничего. Работайте, как работали.

– Не получится! – затряс обоими подбородками директор «Лиллаби». – От Сороса уже звонили с соболезнованиями. И из американского консульства. Они, конечно, дипломатически помалкивают, но проект на грани. На грани проект!

Рыхлый космополит-директор, метуший подолом перед америкашками, стал несколько раздражать Бычье Сердце.

– Так уж и на грани? – ощерившись в иронической улыбке, спросил он у Векслера.

– Валиевский не только исполнитель ведущих партий, он – хореограф. Блистательный хореограф. Без него мы пропали...

– Ну, пока не пропали, ответьте на несколько вопросов, которые интересуют следствие.

Максим Векслер тотчас же перестал причитать, нервно поправил шейный платок и установился на Бычье Сердце с почтением.

– Готов помочь, вот только не знаю, смогу ли я пролить свет...

– У Валиевского были враги?

– Какие враги?

– Ну, не знаю... Другие хореографы, например, – ляпнул Бычье Сердце. – Не такие блистательные...

– Что вы! – Векслер даже рассмеялся абсурдности предположения майора. – Враги у Романа? Это нонсенс!

– Я слышал, что в вашей... так сказать, артистической среде люди не очень ладят между собой. Живут как пауки в банке, одним словом.

– Пауки в банке не живут, – проявил завидную осведомленность о мире членистоногих Векслер. – Пауки в банке умирают. Что же касается артистической среды, как вы изволили выразиться... Конечно, и у нас существуют завистники. Но завидовать можно таланту, который соизмерим с другим талантом. Или – с бесталанностью, если угодно. Валиевский – не талант. Валиевский – гений. А гениальность лежит в несколько иной плоскости. Талант – имеет человеческую природу, а гениальность есть промысел божий. И гению завидовать так же смешно и нелепо, как Иисусу Христу. Или солнцу, если вы материалист. Или Акрополю, потому что ему больше тысячи лет... Гений обречен либо на непонимание, либо на идолопоклонничество. О зависти и речи быть не может... Нет, у Романа не было врагов.

– Понятно. А когда вы видели Валиевского в последний раз?

– Сразу скажу, что был не последним, кто видел его в... добром здравии, – моментально отбоярился от контактов с трупом Векслер.

– А кто видел его последним?

– Из наших?

– Из ваших.

– Лика Куницына и Женя Мюрисепп... Видите ли, произошла довольно странная история. Как раз вечером в прошлую пятницу... Они собирались на день рождения, сразу после репетиции. Все втроем... К одному из наших меценатов... Он американец, но человек русской, абсолютно русской души. Прекрасно разбирается в нашей культуре, сам женат на русской. Его зовут Грэг Маккой, и у него бизнес в России.

«Знаем мы этот бизнес, – с желчью подумал Бычье Сердце, – вынюхивать, высматривать, прикармливать потенциальных предателей и разваливать отечество изнутри. На пару с женой-шпионкой. Колобка Векслера тоже, видать, прикормили. И даже раскормили на нашу голову. Ишь как заливается, чуть из штанов не выпрыгивает».

– Мы все должны были встретиться у Грэга на вечеринке в честь дня рождения. Но Роман туда не приехал. То есть не доехал. Лика и Женя были с ним...

– Может быть, пригласим их?

– Да-да, конечно, – засуетился Векслер. – Я к тому и веду. Информация из первых рук всегда важна. Они все обстоятельно вам расскажут...

Через десять минут в кабинете директора появился молодой человек, представленный Сиверсу как Евгений Мюрисепп. Еще через пять подтянулась девушка – Лика Куницына.

– Не буду вам мешать, – интимно шепнул Векслер Бычьему Сердцу и с неожиданным для его комплекции проворством скрылся за дверью.

– Ну, – хорошо поставленным голосом произнес Бычье Сердце. – Будем знакомиться. Я майор Сиверс, из уголовного розыска. Расследую дело об убийстве вашего коллеги.

В гробу они видели это знакомство. В гробу они видели майора Сиверса. В гробу они видели уголовный розыск. Именно это было написано на их гладких отрешенных лицах – «в гробу». Бычье Сердце выждал секундную паузу, соображая, к кому бы из двоих обратиться. Девка была еще та, типичная балеринка, с тонкими, собранными в целеустремленный пучок волосами и костями, как у воблы. Эти кости самым гнусным образом лезли в глаза Бычьему Сердцу. Равно как выпирающие из-под трико ребра, с маху насаженные на позвоночный столб. Балеринка на Сиверса не смотрела, это было ниже ее одетт-одиллиевского, жизелевского, распротак его балетного достоинства. Она лишь слегка хмурила несуществующие, обозначенные серебряным колечком брови – тоже, нашли моду, кожу протыкать где ни попадя!

Парень был поприятнее. Если он и презирал Бычье Сердце за короткие рукава пиджака и жировой излишек в десять килограммов, то довольно удачно это скрывал. Во всяком случае, никакой брезгливости и никакой враждебности в его лице не было. Открытом, симпатичном лице со щегольскими тоненькими баками и такой же щегольской восточной бородкой.

– Значит, вы последними видели Романа Валевского? – Бычье Сердце всем корпусом повернулся к Мюрисеппу, и стул под майором предательски скрипнул.

Балеринка улыбнулась, показав острые зубки, затрясла колечком в брови и неожиданно сказала, глядя в пространство:

– Последним, я думаю, его видел убийца.

Ценное замечание, ничего не скажешь.

– Это понятно, – с трудом нашелся Бычье Сердце.

Фраза прозвучала простовато, да что там простовато – по-лоховски она прозвучала! Типичная фраза типичного землеройного мента, у которого лоб в два пальца. И-эх, вместо «это понятно» нужно было сказать «это софистика». Слово «софистика», слетевшее с губ милици-

онера, у любого выбьет почву из-под ног, и балеринка не исключение. Вот только применимо ли оно в данном конкретном случае?

– Это понятно, – еще раз пробухтел Бычье Сердце и почему-то залился румянцем.

– Лика! – добрейший Мюрисепп посмотрел на подругу по несчастью с укоризной. – Майор совсем другое имел в виду.

– Тогда он должен яснее излагать свои мысли, – парировала непреклонная балеринка.

Вот сука!

– Вернемся к прошлой пятнице, – вклинился Бычье Сердце. – Насколько я понял, вы должны были ехать на день рождения...

– К Грэгу, – охотно ответил Мюрисепп. – В пятницу у нас был тяжелый день. С утра кастинг для нового балета, который собирался ставить Роман.

– Кастинг? – переспросил Бычье Сердце, смутно подозревая, что в очередной раз совершает глупость.

– Подбор исполнителей, – с леденящим душу сарказмом перевела балеринка. И наконец-то взглянула на Бычье Сердце бесстрастными рыбьими глазами. – Не будем пугать дядю милиционера англицизмами, Женя.

– Ну, хорошо, – тут же согласился податливый Мюрисепп. – Подбор исполнителей. Основные роли утверждены практически все, остался кордебалет. Кастинг был до четырех. Потом репетиция до восьми. Грэг пригласил нас на девять, но мы подзадержались. Профессиональные споры по поводу концепции вещи, не думаю, что вам будет интересно... Выехали что-то около половины десятого.

– Девять тридцать пять. – Балеринка проявила завидное стремление к пунктуальности. – Я специально посмотрела на часы, когда мы выехали.

– И доставала нас этими девятью тридцатью пятью целую дорогу!

– Ты же знаешь, Женя, я терпеть не могу опаздывать.

Они стали мелко переругиваться, отлично!

– Выехали отсюда? – уточнил Бычье Сердце.

– Естественно. Все втроем. Я, Лика и Роман. На его джипе. Грэг снимает квартиру на Восстания, так что мы ехали через Невский. У «Маяковки» тормознулись...

– Зачем? – Бычье Сердце, парализованный начинающей мегерой, задавал вопросы один остроумнее другого.

– Чтобы вы спросили, – снова не удержалась балеринка.

– Мы же на день рождения ехали. – Он умел быть снисходительным, этот Мюрисепп. – Цветы купить надо? Надо. Подарок какой-нибудь на скорую руку...

– Что ж заранее не побеспокоились?

– Работы навалом. Завертелись. Роман выскочил за цветами, а мы остались ждать его в машине...

– И? – Бычье Сердце взглянул на балеринку. По всем правилам реплику подать должна она.

Реплика не заставила себя долго ждать.

– Что – и? И не дождались, – со смаком закончила балеринка.

– То есть вы хотите сказать, что Валевский вышел за цветами к метро и в машину больше не вернулся?

– Вот именно. – Теперь Мюрисепп стал заметно волноваться. – Мы прождали его битый час. Я несколько раз отправлялся на его поиски. Потом позвонил Грэг...

– Куда это он позвонил?

– На сотовый.

Мюрисепп посмотрел на Бычье Сердце с сожалением: из какого медвежьего угла ты вылез, парень? Весь мир давно перешел на мобильную связь.

– Роман оставил свой мобильник в джипе. Когда позвонил Грэг, я коротко обрисовал ему ситуацию – не вдаваясь в подробности, естественно. Объяснил, что ждем Рому... А Грэг сказал, что они ждут нас. Я снова отправился к метро – там работал один-единственный ларек с цветами. Как мог, описал продавщице внешность Романа... Внешность у него запоминающаяся, вы же его видели...

Внешность у Ромы-балеруна действительно была запоминающейся, хотя Бычье Сердце познакомился с Валевским в уже разделанном и несколько тронутым тлением виде. Смуглый брюнет с тонкими чертами лица, из тех, что нравятся стареющим женщинам, кинокамерам и производителям мужского белья. Типичный кокаинист или завсегдатай опиумного притона.

– Я спросил у продавщицы, не подходил ли он.

– Ну?

– Она ответила, что нет.

– И что же вы сделали после того, как не нашли его?

– А что бы вы сделали на нашем месте? Закрыли джип, благо ключи торчали в замке зажигания. И отправились на день рождения к Грэгу. Пешком. Там всего минут пятнадцать ходьбы.

– Лихо, – промурлыкал Бычье Сердце. – И вы несколько не были удивлены происшедшим? Не забеспокоились?

– Поначалу нет...

– Даже когда не увидели его на дне рождения? – Бычье Сердце вцепился в Мюрисеппа, как клещ. – На дне рождения вашего америкаш... вашего американского приятеля он ведь так и не появился?

– Не появился.

– И вы посчитали это в порядке вещей? Человек выскакивает из своей машины... заметьте, очень недешевой новенькой машины... чтобы просто купить букет цветов. И исчезает. Вам не показалось странным такое исчезновение?

– Почему же, – неожиданно стушевался Мюрисепп. – Это достаточно странно, вы правы, тем более что Романа и Грэга связывают давние дружеские отношения... Но...

– Да брось ты, Женя, – не выдержала балеринка. – Никому не показалось странным, что Роман поступил именно так. Целый вечер все стебались по этому поводу. Грэг первый. Видите ли, капитан...

– Майор, – деликатно поправил Бычье Сердце. – А вообще, спасибо, что младшим сержантом не назвали...

– Видите ли, майор... Роман – человек очень специфический. Я бы сказала, эксцентричный. Что ему взбредет в голову, то он и делает. Ни с кем и ни с чем не считается. Подставляет на раз-два, только из спортивного интереса. Якобы гению все простительно...

– Ну, ты уж совсем, Лика! – Мюрисепп предупредительно поднял руку.

– В свободное от собственной гениальности время, я имею в виду, – нехотя поправилась балеринка. – В работе он безупречен. Работа для него свята.

А она терпеть его не могла, великого хореографа, всеобщего любимца, верховное божество «Лиллаби». Просто на дух не выносила! Это было так очевидно, что Бычье Сердце едва не рассмеялся: и у мегер на пуантах бывают слабые места. С другой стороны, ненависть не слабое, а сильное место любого человека. Вот только ее трудно держать в узде, особенно такой квелой балеринке. Заговорив о личных качествах покойного, Лика Куницына преобразилась. Даже румянец взошел на щеки, даже брови прорезались. Симпатичней она не стала, но значительней – уж точно. Интересно, чем вызвана такая неприязнь? На хвост он ей наступил, что ли (вернее, на балетную пачку)? Или зарезал главную роль при этом... как его... кастинге?

– А вы, как я посмотрю, не очень жаловали покойного. – Бычье Сердце являл собой сейчас образец милицейской проницательности.

Но через секунду от образца не осталось и следа.

– Отчего же не жаловала? Очень жаловала. Даже была его женой прискорбно долгое время. Идиотка.

Черт возьми, как же он сразу не понял? Так яростно могут ненавидеть мужчин только бывшие жены. Ненависть бывших жен вне конкуренции, тут даже суфражистки отдыхают!

– Лика! – снова подал голос Мюрисепп, стоящий на страже бесконфликтного, монолитного и процветающего «Лиллаби».

– Что – Лика? Я двадцать четыре года Лика!

– Лика... Романа больше нет...

«Не стоит вытягивать на свет наше заскорузлое грязное белье, Лика, да еще при посторонних. Да еще при майорах угро. О мертвых или хорошо, или ничего, Лика. Возьми себя в руки, Лика. Опомнись, Лика», – молчаливо зывали к балеринке глаза Мюрисеппа. И его съевшиеся баки. И его взъерошенная борода. И балеринка откликнулась, взяла себя в руки. Ненависть, расцветившая ее лицо флагами, транспарантами и гроздьями салютов, обмякла, отступила, ушла в глубь ключиц.

– Простите... Роман был душой «Лиллаби». Мы все теперь на нервах...

– Я понимаю, – для виду скорбно похмыкал Бычье Сердце. – А как же джип Валиевского оказался здесь, во дворе?

– Это Грэг его пригнал. – Проскочив узкое место, Мюрисепп перевел дух.

– Ваш американский приятель?

– Да. В ту же ночь. Мы все изрядно поднабрались, пошли гулять по Невскому. Джип так и стоял возле «Маяковки»... И поскольку у меня были ключи, а все, как я уже говорил, нарезались до соплей... Словом, мы решили подшутить над Ромкой. Погрузились в тачку и поехали. Как раз к сводке мостов успели... Часов около пяти... Так, Лика?

– Не помню, – после небольшой паузы сказала балеринка. Впервые ее пунктуальность дала сбой.

– Ну, неважно. В общем, доехали.

– И вас ни разу не остановили?

– Не помню, был выпимши, – ушел от ответа Мюрисепп. – Спал на заднем сиденье.

Как же, не остановили! На такой тачке – и не остановили? Такая тачка действует на гаишников, как красная тряпка на быка. Наверняка и палками махали, и денежки срубали, никакой принципиальности. А америкашка, поди, баксятиной откупался, подонок!..

– И сколько же вас... погрузилось в тачку?

– Ну, я, Грэг, Лика, жена Грэга Лариса... Еще кто-то из ребят... Человек семь-восемь набралось.

– А ваш директор? Максим Векслер?

– Он ушел раньше. Намного раньше. У него жена недавно родила, сами понимаете, маленький ребенок...

– А где теперь ключи от машины? – спросил Бычье Сердце.

– Я отдал их Максиму... Сразу, как только... Как только стало известно, что Романа... больше нет.

Как успел заметить Сиверс, все эти балетные людишки старательно избегали слова «убийство». Оно шибало им в нос запахом полуразложившейся плоти, оно было неудобным, неуместным, постыдным. Валиевский как будто совершил что-то непристойное, а всего-то только и сделал, что дал себя укокошить. Интересно, почему они не спрашивают про убийцу?

– Вам уже известно, кто это совершил? – тотчас откликнулся на мысли Бычьего Сердца Мюрисепп.

– Пока нет. Но, думаю, с вашей помощью...

Лицо Мюрисеппа приобрело ярко выраженный землистый оттенок.

– С нашей помощью?! – проблеял он. – Что значит – «с нашей помощью»? Вы намекаете, что... Что кто-то из «Лиллаби» причастен?

– Почему бы и нет? – снова не удержалась балеринка. – Думаю, у нас найдется немало людей, готовых отправить Рому на тот свет.

– Что ты говоришь, Лика! – бросив на Куницыну испепеляющий взгляд, взвился Мюрисепп. – Не слушайте ее, майор. Вы же видите, она не в себе.

Отчего же не в себе? Очень даже в себе. Ненависть к покойному муженьку снова выползла из тщедушного тельца Лики Куницыной, уселась на хвост и раздула капюшон.

– Если уж на то пошло, его смерть никому не выгодна. – Похоже, стильный юноша знал, что говорит. – Все проекты «Лиллаби» были завязаны на Романе. Теперь вообще неизвестно, что будет с нами со всеми. Может, мы вообще потеряем работу. Высокооплачиваемую, между прочим.

– Понятно. Будем подводить итоги. Вы ехали на вечеринку, остановились у метро купить цветы... Кстати, кому в голову пришла идея остановиться именно у «Маяковской»?

Мюрисепп и Куницына переглянулись.

– Никому. Просто решили, и все. Времени было около десяти, цветы в это время продаются только у метро. Это метро было ближайшее. По ходу. Вот и все.

– Логично. Значит, Роман Валевский отправился за цветами и исчез. Вы двое, прождав его около часа, решили добираться на вечеринку своим ходом. Валевского не оказалось и там. Это было воспринято обществом как одна из причуд вашего руководителя. И поднимать тревоги никто не стал. Пока все верно?

– Да.

– Ну, а на следующий день?

– На следующий день была суббота, – пояснила бывшая жена. – Дневная репетиция в график не забита, потому-то мы и позволили себе оторваться... Вечернюю проводил Женя, он часто подменяет Романа. Воскресенье вообще выходной. Спектаклей в городе у нас пока нет, готовимся к гастролям в Италию. Вот если бы Роман не появился в понедельник...

А он и не появился в понедельник. В понедельник труп исполнилось два дня. В понедельник его и нашли. Так что никакого понедельника для гениального хореографа больше не существует – ни этого, ни всех последующих.

– Если бы он не появился в понедельник, тогда, естественно, мы бы забили тревогу.

– Почему же не забили?

Балеринка не нашлась что ответить. Действительно, сообщение о смерти Валевского поступило в понедельник, во второй половине дня, а в «Лиллаби» об убийстве узнали только во вторник утром. То есть сегодня.

– Мы пытались ему прозвониться, – вступился за Куницыну Мюрисепп. – Макс был на телефоне с самого утра в понедельник. А мне пришлось заменить Романа на кастинге.

– Ну что ж, спасибо за откровенный разговор. – Бычье Сердце приподнялся со стула, давая понять, что беседа закончена. – Вам придется приехать к нам в самое ближайшее время. Дать показания. Процедура недолгая и не очень вас утомит... Ваши телефоны я возьму, если не возражаете. И вам оставлю сво...

– Наши телефоны есть у Максима, – невежливо перебила Бычье Сердце балеринка.

– Раз уж мы заговорили о телефонах... Может быть, дадите мне телефон Вадима Антропшина?

Деятели современного балета с недоумением посмотрели друг на друга, а потом – все с тем же недоумением – повернулись к Бычьему Сердцу.

– А кто это? – спросил Мюрисепп.

– Старый друг Валевского. Вы разве его не знаете?

Хореография и заброшенная яхта «Такарабунэ» упорно не хотели стыковаться, и эта заноза в пятке следствия не давала покоя Бычьему Сердцу. Для случайного, наугад выбранного места преступления эллинг был слишком хорошо обставлен. Да и само убийство было обставлено лучше некуда. И чертовы окурки... Одни и те же, с промежутком в год... Принадлежали ли они одному человеку – установит экспертиза, а это еще день...

– Что за вздор! – почему-то рассвирепела Куницына. – Какой Вадим Антропшин? У Романа никогда не было друга по имени Вадим Антропшин.

– А вы знаете всех его друзей?

Балеринка так красноречиво промолчала, что Бычье Сердце понял: **эта знает**. Эта, будучи женой, пропахивала все записные книжки хореографа, просвечивала рентгеном все его визитки, методом глубокого бурения обследовала все его карманы. И к тому же отстреливала все сообщения на автоответчике. Та еще штучка!

– Я тоже не слышал ни о каком Вадиме Антропшине, – подпел штучке Мюрисепп. – Хотя мы работаем вместе семь лет.

Бычье Сердце вздохнул: все то же самое, только имена сменились. Мать покойного яхтсмена и слухом не слыхивала о Романа Валевском. А эти двое понятия не имеют о Вадиме Антропшине. Трогательное единение опыта и молодости, как раз для танца с саблями.

– Теперь, когда все выяснилось, мы наконец-то свободны? – Девушка упорно хотела отделаться от Сиверса и его дурацких вопросов. И отправиться в свободный полет.

– На сегодня – во всяком случае... Да, вот еще что. У вас случайно не найдется закурить?

Куницына пожала плечами:

– Не курю.

Естественно, не куришь. А если бы даже и курила, то угостить сигареткой работника правоохранительных органов считала бы ниже своего одетт-одиллиевского, жизелевского, распротак его балетного достоинства.

Мюрисепп снова оказался на высоте. Он вытащил из кармана пачку «Парламента» (а как же иначе на такой высокооплачиваемой работе!) и протянул ее Сиверсу.

– Вот, возьмите.

– Тут последняя, – заглянув в пачку, сказал Бычье Сердце.

– Ничего. Я тоже не курю. Так, балуюсь... – Простодушный взгляд Мюрисеппа вдруг перестал быть простодушным: в нем проскользнуло что-то волчье, что-то холодновато-расчетливое. – Я вот о чем подумал. Может быть, его похитили... Ну, ради выкупа, например. Роман был далеко не бедным человеком.

Бычье Сердце не успел даже поразиться переменам в облике Мюрисеппа: маска тихой благопристойности, едва не слетевшая с бородатой физиономии, снова была водворена на место. Фальстарт остался почти незамеченным. Да и был ли он?..

– Если его похитили ради выкупа, то зачем же убивать? – Куницына, судя по всему, решила окоротить приятеля.

– Получили свое, и...

– Очень остроумно, Женя, – снова встряла балеринка. – Его хотели похитить и не нашли более подходящего места, чем станция метро, полная народу. Это же курам на смех!.. Ну, так мы можем идти?

– Я уже сказал...

Балетные быстренько сорвались с мест и сломя голову побежали к выходу: как из чумного барака, ей-богу! Как если бы Бычье Сердце был прокаженным со стажем или грозился наградить собеседников туберкулезом. В глазах Бычьего Сердца мелькали прямые, натренированные спины балетных, а в душе поднималась злость на них. История, которую рассказали Куницына и Мюрисепп, никаких возражений у майора Сиверса не вызывала, – в общем, довольно складная и понятная история. Задержались на репетиции, а нужно было ехать на вечеринку.

Подарка вовремя не купили (как это обычно у русских и бывает), решили приобрести по ходу, вместе с букетом. Покойный вышел из машины у ближайшего метро. К машине больше не вернулся, и парень отправился его искать. А девушка осталась в «Лексусе». Никого не найдя и прождав час, посчитали нужным добираться до вечеринки своим ходом. Все правильно, не ждать же Валевского до второго пришествия. На дне рождения америкашки накачались до поросычьего визга дармовым виски да и пошли куролесить по улицам родного города. Вышли напрямик на джип, от Восстания до «Маяковской» рукой подать. А потом сели и поехали, раздавая взятки направо и налево: за отсутствие документов и вождение транспортного средства в нетрезвом виде.

Валевского не хватились ни в этот день, ни на следующий, потому что не должны были хватиться: исходя из показаний бывшей жены, Валевский личность своеобразная, ни с кем особенно не считается. Так что здесь все понятно. Одинаковые показания двоих людей – это уже кое-что.

Если не имел место предварительный сговор.

Кто такая Куницына? Бывшая жена. Бывшая, чего не скажешь о ее ненависти к покойнику. Ненависть у балеринки самая что ни на есть настоящая, закаленная в боях, проверенная временем, густая, как свернувшаяся кровь.

Кто такой Мюрисепп? Правая рука Валевского, судя по всему. Проводит репетиции вместо босса, участвует в спорах по поводу «концепции вещи», наверняка спит и видит, чтобы занять место... как это у них называется?.. балетмейстера. И то, что он балуется «Парламентом», а не «Вогом», еще ничего не значит. Чем же еще баловаться, как не бессмысленно-легкими сигаретами типа «Парламента». Или «Вога», к примеру. А серьезные курильщики курят серьезные крепкие сигареты.

Вот тебе и Куницына с Мюрисеппом. Друзья и соратники. А может быть, враги – но все равно соратники. Сладкая парочка, ничего не скажешь.

И на никем не подтвержденных показаниях этой сомнительной сладкой парочки он должен строить версию убийства!

А что, если...

Но чертово «если» в контексте двух балетных замухрышек никак не вытанцовывалось. Чертово «если» выглядывало из-за забора, который был сложен из хрупких балетных косточек. Таких хрупких, что их и соплей перешибешь. Бычье Сердце не мог пожаловаться на недостаток фантазии, но представить, что субтильная Куницына и благообразный Мюрисепп заманили светило современного танца в ближний пригород и порешили бедолагу в каком-то лодочном кооперативе... Нет, до таких высот воображение майора Сиверса явно не дотягивало.

Из состояния глубокой задумчивости Бычье Сердце вывел Максим Векслер.

– Все в порядке? – спросил он застенчивым, дрожащим голосом. Ни дать ни взять папаша близнецов-двоечников на ковре у школьного директора: как там мои архаровцы, школу еще не взорвали?

– В относительно. Мне нужны телефоны обоих ваших артистов. И ваш заодно.

– Зачем? – испугался Векслер.

– Мы должны снять показания с людей, близко знавших Валевского. Кстати, в тот вечер, в пятницу... В котором часу приехали на день рождения Мюрисепп и Куницына?

– Не помню точно. Уже после одиннадцати. Я, правда, быстро ушел. У меня недавно родился сын. Это наш первенец, жена нервничает...

– А в каких отношениях были Мюрисепп и Куницына с Валевским?

– Что значит – в каких отношениях? В прекрасных. В самых лучших... Друзья, единомышленники, одна команда... Современный балет – вещь очень своеобразная, это вам не драматический театр, где все готовы друг друга в чайной ложке утопить. Танец, как единый организм, требует взаимопонимания, я бы сказал, на молекулярном уровне...

Если Векслера не заткнуть, он перейдет на атомы.

– Я понял, Максим Леонидович... Ключи от машины Валевского у вас? Мюрисепп сказал, что передал их вам.

– Можно просто – Максим. Да-да, конечно... – засуетился Векслер, вынимая из ящика стола связку ключей. – Простите, ради бога. Я совсем забыл о них. Ситуация, сами знаете... так что немудрено. Тут и поест позабудешь, не то что про какие-то ключи.

Бычьё Сердце ухмыльнулся: судя по упитанной ряхе директора, тренировок в столовой он не пропускал.

– Зачем же такие крайности, Максим Леонидович. Все под Богом ходим. Спокойнее надо быть и пищу принимать вовремя...

Ключей на диковинном, космического дизайна брелоке центрального замка было три. Один – явно от «Лексуса», иначе и быть не может. Другой, маленький, смахивал на ключ от почтового или абонентского ящика. Третий, ригельный, был много больше двух других.

– От чего, как думаете? – спросил Бычьё Сердце, вертя ригелем перед носом Векслера.

– Думаю, от квартиры.

– Думаете или знаете?

Невинный вопрос майора снова привел Максима Леонидовича в волнение.

– Предполагаю... У нас точно такой же.

– А вы когда-нибудь были в доме у Валевского?

По лицу Векслера поползли крупные капли пота: ему смертельно хотелось сказать «нет».

– Да. Я был в доме у Валевского несколько раз. По работе. Только по работе... Разве это запрещено?

– Нет. Скажите, вас не удивило, что ключи от квартиры и машины Валевского находились у третьих лиц более трех суток?

– Да я же не знал об этом! Ключи Мюрисепп отдал мне сегодня, когда стало известно, что... Что произошло несчастье...

– Адрес.

– Чей адрес?

– Покойного Романа Валевского.

– Фонтанка... кажется, пять. Рядом с цирком Чинизелли. Его окна выходят прямо на воду, квартира 27, последний этаж. Вас сопроводить туда?

– Туда поедет бригада.

Векслер закашлялся и, все так же кашляя, протянул Бычьему Сердцу визитку:

– Вот, возьмите. Телефоны Куницыной и Мюрисеппа я написал на обратной стороне.

Даже не взглянув на самоуверенно-черный кусок картона, Бычьё Сердце сунул его в карман. И направился к двери. И только ухватившись за ручку, обернулся к Векслеру.

– Фамилия Антропшин вам, конечно же, ничего не говорит.

– Как вы сказали? Антропшин? – Векслер, желая угодить страшному майору, даже выкатил глаза из орбит. – Антропшин, Антропшин... Что-то знакомое.

Вот как? Очень интересно. Бычьё Сердце затаил дыхание: давай, Макс толстые ляжки, американский подпевала, вспоминай!

– Яхтсмен Вадим Антропшин, – не выдержав, подсказал Бычьё Сердце.

– Погодите!.. Ну, конечно же! Яхтсмен Вадим Антропшин! Он погиб в прошлом году, летом, на регате. То ли он поскользнулся на палубе и его смыло за борт... То ли его удавило парусом... Я не помню. И честно говоря, никогда не интересовался обстоятельствами его смерти. Мы специально ездили в Красную Горку, чтобы оттуда посмотреть на гонки...

– Кто – «мы»?

– Я и моя жена. Ей очень нравятся яхты. Импозантный вид спорта.

– А Валевский?

– А что Валевский?

– Валевский с вами не ездил?

– С какой стати? Если мне не изменяет память, это был июль. А в июле «Лиллаби» как раз находился на гастролях в Швейцарии. А что, собственно, случилось?

– Да нет, ничего. А Валевский и Антропшин могли быть знакомы? Может быть, с ним знакомы Мюрисепп и Куницына?

Векслер наморщил лоб, имитируя бурную мозговую деятельность. Морщить лоб было необязательно, и так все понятно: ку-ку, старичок, ну ты и слепил горбатого! Бычье Сердце и сам чувствовал, что его заносит, но уж очень прочно обхватил его своими литыми ручищами мареман Антропшин – не вырвешься.

– Ума не приложу, где бы они могли пересечься... Роман никогда не увлекался яхтами, это точно. А что касается Лики и Жени... Вы бы сами у них спросили.

– Уже спросил. Они никогда не слышали о погибшем яхтсмене.

– Вот видите! – почему-то обрадовался Векслер. – Я ведь тоже узнал о нем случайно. Из-за того, что мы с женой были на регате в прошлом году. Я сам бы никогда не вспомнил, если бы вы не напомнили... У вас ко мне все?..

Все. Аллес капут. Пообщавшись с наиболее яркими представителями труппы современного балета, Бычье Сердце вынес одно: здесь он никакой правды не добьется. «Лиллаби» будет держать глухую оборону, и личность Романа Валевского (во всяком случае, те ее грани, которые могли бы пролить свет на убийство) так и останется за семью печатями.

* * *

...Покинуть «Лиллаби» Бычье Сердце не торопился.

Он надолго застрял возле огромного, самодовольно раздувшегося стенда с заголовком «О НАС». Под заголовком толпилось множество отксерокопированных статей – из падкой на запах окультуренных русских портянок иностранной прессы. Бычье Сердце наивно полагал, что мода на Россию умерла естественной смертью еще в начале девяностых. Но оказалось, что метастазы этой моды все еще продолжают расплзаться. Чего стоили одни только названия (в переводах, помещенных под статьями)!

«РУССКИЕ ИДУТ!»

«ВАЛЕВСКИЙ ИЛИ БЕЖАР?»

«СЕВЕРНАЯ ЯРОСТЬ СМЕТАЕТ ЕВРОПУ»

«СТРАСТИ ПО ВАЛЕВСКОМУ»

«ЗАСТРАХУЕТ ЛИ РОМАН ВАЛЕВСКИЙ СВОИ НОГИ?»

«ГЕНИЙ ТАНЦА В АНТВЕРПЕНЕ»

«НОВЫЙ РУССКИЙ БАЛЕТ ПОКОРЯЕТ СЕРДЦА ПАРИЖАН»

«ВАЛЕВСКИЙ И НАТО: КТО ВЫЙДЕТ ПОБЕДИТЕЛЕМ?»

«РОМАН С ЕВРОПОЙ»

«ЯЗЫК, ПОНЯТНЫЙ ВСЕМ»

«ЧЕТЫРЕ СЛУЧАЯ ОБМОРОКА НА РУССКОМ СПЕКТАКЛЕ»

«МАСТЕР-КЛАСС ВАЛЕВСКОГО: ЗАСНЕЖЕННАЯ ГОТИКА»

Пробежав глазами несколько статей, Бычье Сердце скусился и даже почувствовал легкое покалывание в сердце. Кого мы потеряли, прости господи! Рузвельта, Сталина и Черчилля на Ялтинской конференции, вместе взятых! Де Голля в его звездный период! Мартина Лютера Кинга за десять секунд до рокового выстрела! Махатму Ганди наших дней... И почему только такой человек не баллотировался в президенты?..

В статьях Бычье Сердце насчитал сто пять ссылок на «Лиллаби» и сто шесть упоминаний о Велевском. Поминались и Мюрисепп с Куницыной – соответственно десять и одиннадцать раз. Не густо.

Покончив со статьями, майор переметнулся к текущим делам «Лиллаби». Организационные бумажки занимали гораздо меньше места, чем переводные статьи. График спектаклей, график гастролей, административная текучка и самые разнообразные послания самих балетных:

«ГОСПОДА, КТО СВИСТНУЛ МОЕГО ФАУЛЗА В РЕП.КЛАССЕ № 2? ВЫ БУДЕТЕ ПРОКЛЯТЫ. СЕРЖ КУШНИР».

«ПОЗДР. ТОЛЮ КАЛАШНИКОВА С ДНЮХОЙ!!!! УРА!!!»

«ДЛЯ НОВИЧКОВ: ЗАГРАНПАСПОРТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ НЕ ПОЗДНЕЕ 11.07 СЕГО ГОДА. ШЕВЕЛИТЕ БУЛКАМИ, ИНАЧЕ ПРОЛЕТИТЕ С ИТАЛИЕЙ».

Отдельную колонку занимал тот самый балет, о котором Бычье Сердце уже успел наслушаться от разных людей, «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Ох уж эти америкашки, слова в простоте не скажут! Колонка была достаточно сдержанной: список утвержденных ролей – и только. Не все роли нашли своих исполнителей, в длинном столбце то тут, то там мелькали прочерки. А рядом с фамилией в первой строке вообще стоял вопрос. Довольно красноречивый:

СИЛЬВИЯ БАРЕТТ – А. КУНИЦЫНА (?)

А. Куницына.

Векслер и Мюрисепп называли балеринку Ликой. Лика, стало быть, Анжелика. Анжелика Куницына, ведущая солистка труппы, если верить переводным статейкам. Прима. Интересно, кому понадобилось ставить вопрос против ее фамилии? Да еще такой издевательски жирный? И не в этом ли вопросе нужно искать ответ?..

Погруженный в свои мысли, Бычье Сердце не сразу почувствовал **это**. Для «этого» в сиверсовском лексиконе имелось одно-единственное, но упоительное слово – кукан. «Кукан» с майором Сиверсом случался не часто – особенно в последнее время, – но когда случался... Бычье Сердце входил в штопор, брился по три раза в сутки, менял носки каждый день, а не раз в неделю, как обычно; Бычье Сердце выщипывал волосы, торчащие из ноздрей, и судорожно начинал копить деньги для косметической операции на сломанном носу... И даже (свят, свят, свят!) покупал самую дорогую туалетную воду. Которую только мог найти в косметической лавчонке, арендовавшей площади у соседнего магазина «Молоко». Легкое помешательство Бычьего Сердца сказывалось и в работе: на задержаниях он был кроток, рук не распускал, матом не ругался и не грозил задержанным петушиной карьерой в зоне.

А все потому, что какая-нибудь сумасшедшая девица снимала его самым неприкрытым образом и волоком волокла в постель. Источая флюиды, которые, собственно, и являлись куканом. Флюиды – вот что было важно для Бычьего Сердца. Непристойные, первобытные флюиды. За эти флюиды он продал бы свою заросшую шерстью милицейскую душу кому угодно.

Вот и сейчас он ощутил флюиды. Поначалу флюиды робко касались его спины, потом осмелели и перебрались на шею. Пощекотав моментально взмокший сиверсовский затылок тонкими пальчиками, флюиды соскользнули к разинувшей пасть ушной раковине: путь в недра майора был открыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.